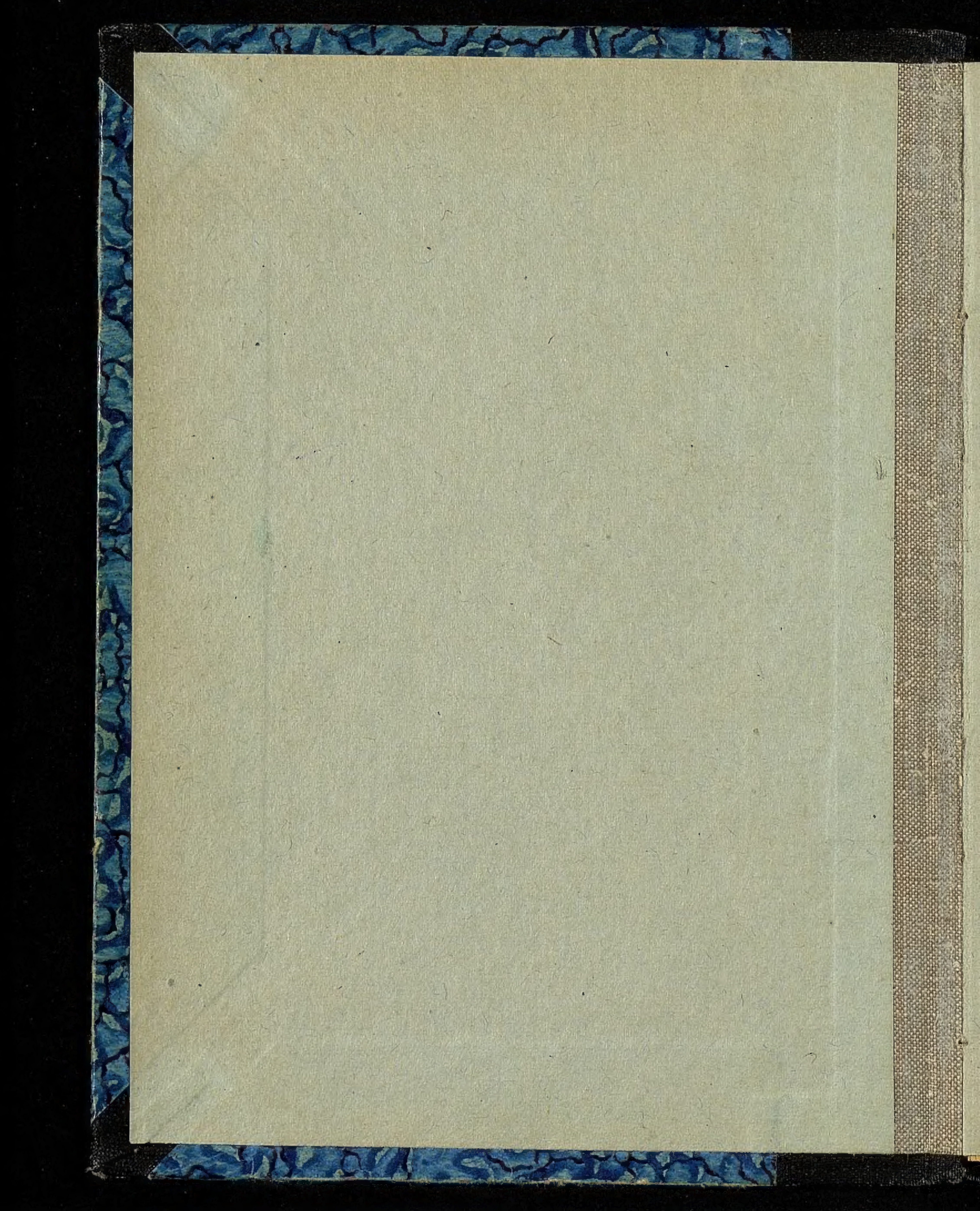
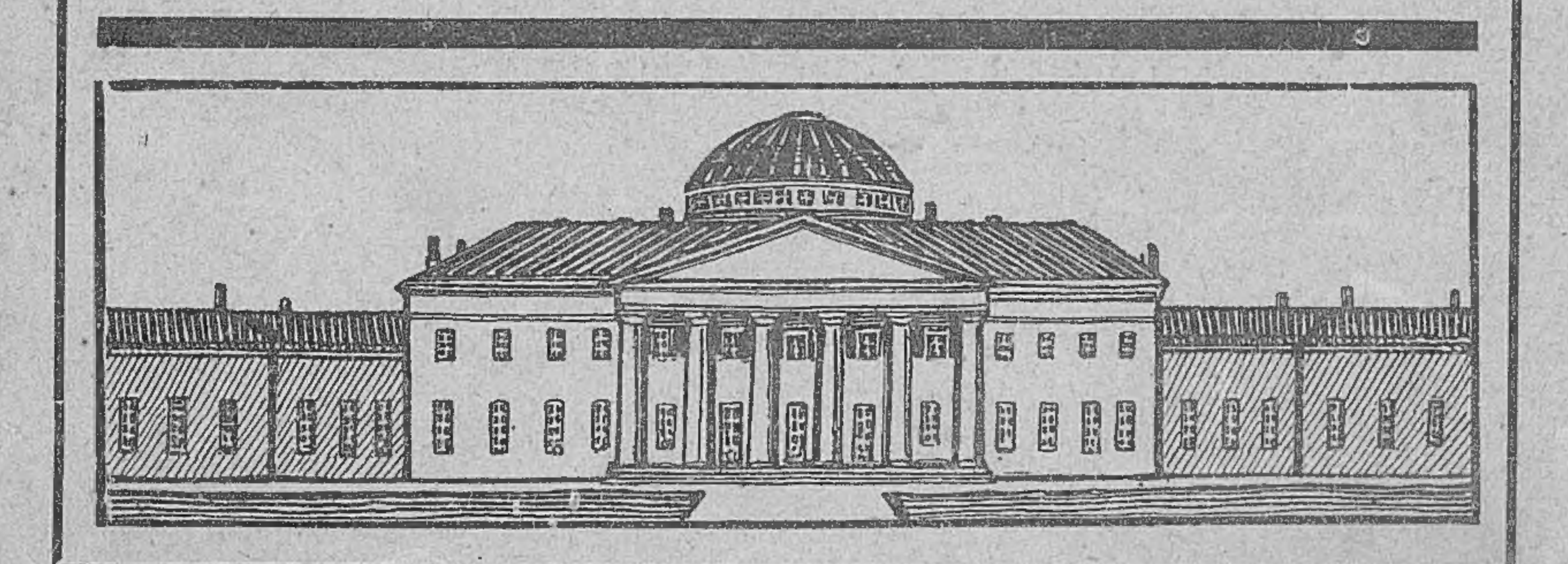

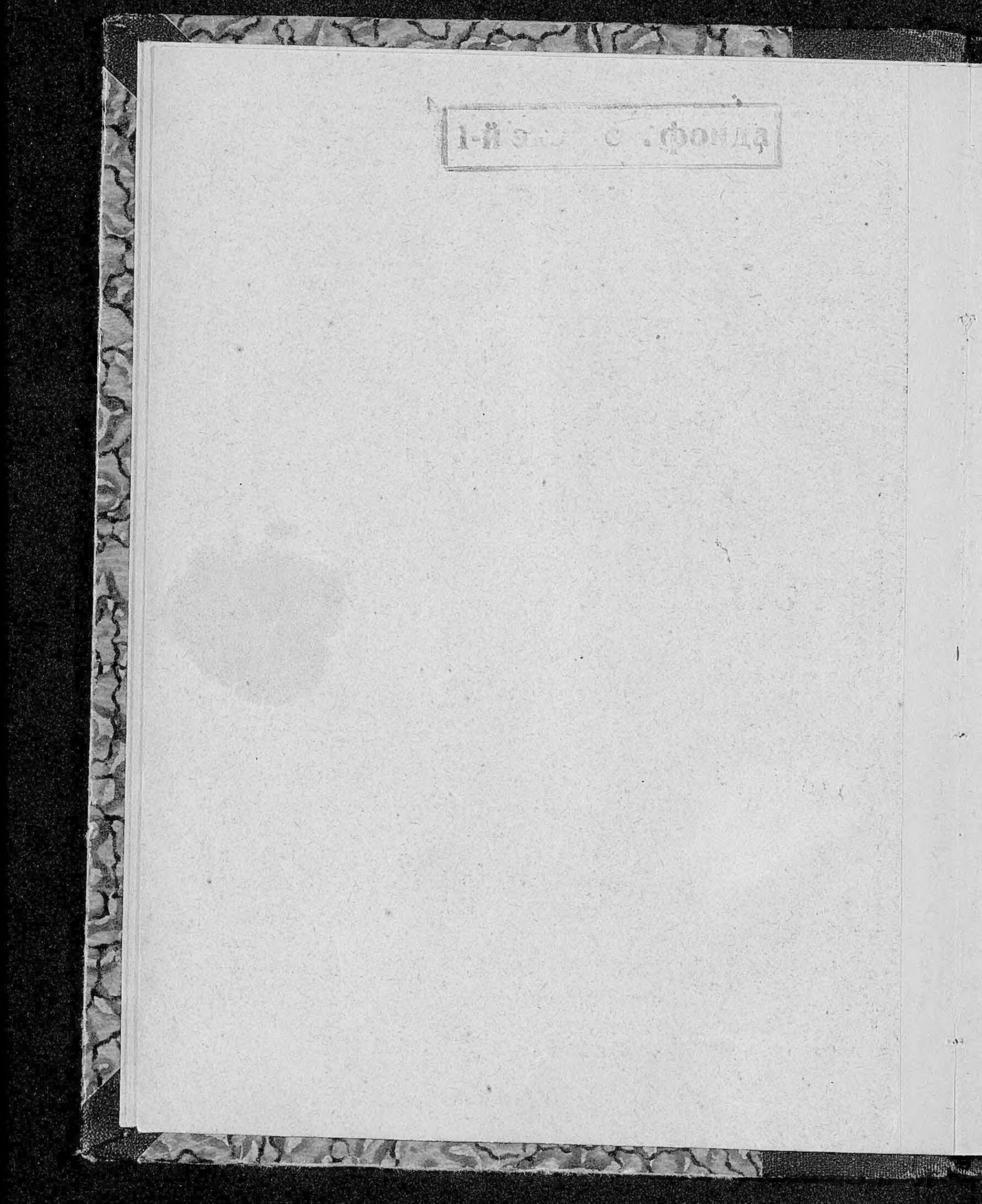

Танъ.

МУЖИКИ
въ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

ОЧЕРКИ.

Танъ.

МУЖИКИ

въ

Государственной Думѣ.

ОЧЕРКИ.

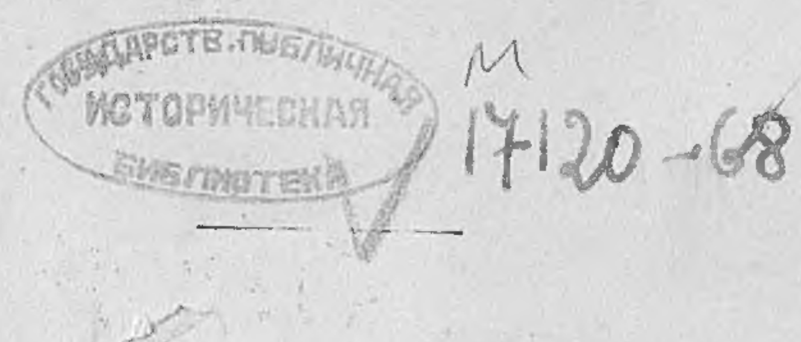
Изданіе В. М. Саблина.
Москва.—1907.

Очерки эти были написаны еще въ то время, когда въ Таврическомъ дворцѣ засѣдали народные представители, и засыпали министровъ запросами, а министры старались давать имъ отвѣты.

Русскій народъ послалъ своихъ избранниковъ въ Государственную Думу, чтобы они вырвали у бюрократіи землю и волю и все это дали ему, избирателю.

Такая задача оказалась избранникамъ не подъ силу. Свободу нельзя получить даже черезъ представителей, ее нужно брать собственными руками.

Мы, русскіе избиратели, повторяемъ этотъ афоризмъ много и часто, но успѣха не имѣемъ. Воля наша на томъ свѣтѣ. Землю намъ мѣряютъ три шага въ длину, да шагъ въ ширину. Но какъ бы то ни было, нужно бороться за свободу, съ Думой и безъ Думы, съ выборами и безъ выборовъ. Выборы были первые, но не послѣдніе. Первая Дума коломъ, вторая соколомъ. Можетъ, у сокола и когти будутъ поострѣй. Первая Дума умерла, да здравствуетъ вторая Дума.

3

ВВЕДЕНІЕ.

Они бродятъ стадами въ великолѣпныхъ залахъ Таврическаго дворца, попираютъ своими тяжелыми сапогами цѣнный дубовый паркетъ, безцеремонно, какъ завоеватели. Въ кулуарахъ во время перерывовъ они задѣваютъ своимъ неотесаннымъ плечомъ пышныя плечи разодѣтыхъ дамъ и позолоченныхъ камергеровъ. И во время засѣданій они выходятъ на трибуну увѣренно, какъ хозяева, и говорятъ съ министрами, прямо, безъ обиняковъ, хуже чѣмъ на „ты“, и тычутъ имъ въ лицо своимъ корявымъ перстомъ и высчитываютъ на пальцахъ всѣ преступленія бюрократіи — прошедшія, настоящія и будущія...

Они склонны называть вещи ихъ собственными именами. Не дразните ихъ выше мѣры. Это—люди грубые. Чего добраго, засучатъ рукава и подадутъ сигналъ къ всенародной дракѣ.

Это—мужицкіе депутаты. Правительство непремѣнно желало имѣть настоящихъ мужиковъ, доподлинныхъ, не переодѣтыхъ, съ запахомъ пота и смазныхъ сапоговъ. „Ёнъ не выдастъ“...

Полюбуйтесь, господа генералы, — вотъ они — мужики. Больше, чѣмъ вамъ нужно. Настоящіе, не переодѣтые. Но пахнетъ отъ нихъ, кромѣ смазныхъ сапоговъ, еще „землей и волей“. Ёнъ, дѣйствительно, не выдастъ.

Всякіе есть между ними. Огромные, съ полупудовыми кулаками и маленькіе, сухощавые, какъ-будто сжигаемые

зноемъ требованій, принесенныхъ ими съ собою изъ деревенской глубины въ эту высокую залу. Есть бѣлые, русые, черные. Въ казинетовыхъ пиджакахъ, въ поддевкахъ и чемаркахъ; въ косовороткахъ и вышитыхъ „мережаныхъ“ сорочкахъ; обмотанные казацкими поясами и туго затянутые кожаной подпругой шире, чѣмъ конская.

Есть даже въ сюртукахъ и бѣлыхъ воротничкахъ, — это тѣ, кого вы называете переодѣтыми. Они прошли школьную учебу или самоучкой усвоили себѣ мудреную книжную науку. У мужицкаго сына умъ не хуже, чѣмъ у нашихъ сіятельныхъ дѣтей. Онъ гложетъ сухую корку, ютится на чердакѣ и учится ночью по взятымъ взаймы книжкамъ. Своимъ умомъ онъ доходитъ до самой сути. Вы называли этихъ крестьянскихъ самоучекъ агитаторами, подстрекателями. Но народъ призналъ ихъ своими и съ громкими кликами и клятвами о поддержкѣ прислалъ ихъ сюда добывать землю и права.

Знаете-ли вы факты изъ выборной практики, гг. министры?

Балашовскіе крестьянскіе выборщики пріѣхали въ Саратовъ со строгимъ наказомъ—выбрать учителя Аникина,—изъ чужого, Петровскаго уѣзда; вольскіе мѣщане выписали изъ Петербурга самоучку Жилкина, газетчика и писателя.

А вотъ вамъ Лаврентьевъ — казанскій учитель. Бѣдный крестьянскій сынъ, онъ ходитъ въ поддевкѣ и въ высокихъ сапогахъ. Руки у него грубыя, въ мозоляхъ. Куда прикажете приписать его, къ интеллигентамъ или къ мужикамъ?

Все смѣшалось въ этомъ фантастическомъ залѣ,—мужики, горожане, профессора, газетчики.

Здѣсь нѣтъ сословій, есть лучшіе, излюбленные люди русской земли, которыхъ прислалъ русскій народъ,—его величество стомилліонный русскій народъ, — создать для себя новые справедливые законы.

Запомните это, господинъ Гурко, товарищъ министра, и больше не пытайтесь взывать здѣсь къ сословной розни.

Въ этомъ высокомъ залѣ—не мѣсто провокаціи. Зачѣмъ вы призываете русскихъ крестьянъ трепетать передъ соціалистами, уравнителями земли? Сами трепещите, если вамъ это нравится. Въ чемъ вашъ земельный проектъ, господинъ товарищъ министра? Надѣлить крестьянъ землею изъ ихъ собственной надѣльной земли?

О, великій магъ и волшебникъ! Вы готовы налить сто стакановъ изъ одной и той же неистощимой бутылки!.. Профессоръ Герценштейнъ не даромъ указалъ вамъ, что даже у самаго темнаго мужика есть чутье. Онъ знаетъ, гдѣ пахнетъ землею и гдѣ не пахнетъ.

Все смѣшалось въ этомъ фантастическомъ залѣ. Самые темные мужики внезапно становятся сознательными. Въ пылу политической борьбы всѣ черные раки становятся красными, какъ обваренные кипяткомъ. Смирные домашніе гуси превращаются въ дикихъ, крылатыхъ и крикливыхъ.

Весна, журавли прилетѣли. Лебеди-трубачи громко зовутъ къ полету и борьбѣ.

Господинъ Горемыкинъ, вы, кажется, хотите предложить перемиріе и компромиссъ?

Что предлагаете вы? Отмѣну паспортной системы и прачешную при юрьевскомъ университетѣ. И чтобъ графъ Гейденъ, сей благородный старецъ, занялъ постъ министра почтъ и телеграфовъ? Мало, господинъ Горемыкинъ. Этотъ нумеръ не пройдетъ.

Или еще новый проектъ? Думское министерство—Стаховичъ, Способный, Ерогинъ и компанія? Сколько ихъ, этихъ голосующихъ противъ? Какъ разъ двѣнадцать, хватитъ на всѣ посты. Возьмите ихъ себѣ,—они ваши. Переведите ихъ изъ Думы въ Государственный совѣтъ и платите имъ по четвертной въ сутки, какъ было обѣщано на казенной „живопырнѣ“. Они Россіи не нужны такъ-же, какъ и вы сами.

А знаете-ли вы, господинъ премьеръ-министръ, что происходитъ тамъ, въ глубинѣ Россіи?

Тамъ происходятъ „сходбища между селъ“, — крестьянскіе митинги. Оттуда присылаются телеграммы: „Мы, кре-

стьяне пяти селъ, собравшись на митингъ, имѣли сужденіе о государственныхъ дѣлахъ... Выражаемъ негодованіе правительству, упорно не желающему удовлетворить народныя требованія земли, воли и правъ. Мужайтесь, будьте тверды. Ваши требованія гарантируемъ жизнью".

Вѣрите-ли вы этимъ обѣщаніямъ, г. премьеръ-министръ?

Я вѣрю,—со времени 9-го января, 17-го октября и 8-го декабря.

Между прочимъ, обратите вниманіе, — сказано: *жизнью*, а не сказано: *чьею*. Не лучше ли вамъ за добра-ума покинуть свои мѣста?

Господа Горемыкины и господа Способные, уйдите и очистите мѣсто другимъ, способнѣйшимъ.

I.

Засѣданіе еще не открыто и жизнь думы сосредоточивается въ переднемъ овальномъ залѣ. Залъ огромный и великолѣпный, устроенный съ чисто-царской роскошью. Бѣлые лѣпные потолки, окна высокія во всю стѣну, какъ въ готическомъ храмѣ. Когда то въ этомъ дворцѣ устраивались ночные балы, и окна были закрыты и группы раззолоченныхъ придворныхъ при восковыхъ свѣчахъ медленно двигались въ чинномъ мэнуэтѣ.

Теперь окна широко открыты, и все залито свѣтомъ и старый екатерининскій залъ какъ будто помолодѣлъ и наполнился новымъ воздухомъ. Снаружи изъ сада пахнетъ зеленью и весной. И въ этотъ ясный майскій полдень здѣсь чувствуешь себя легко и свободно, какъ подъ открытымъ небомъ, и вмѣсто придворныхъ по дубовому паркету безцеремонно расхаживаютъ люди въ поддевкахъ и нанковыхъ пиджакахъ,—новые строители русской земли.

Есть, впрочемъ, и придворные. Сегодня въ виду важности вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, пришли всѣ министры и другіе высшіе чины.

Вонъ стоитъ у колонны извѣстный генералъ-патроповержецъ изъ династіи наслѣдственныхъ полицеймейстеровъ, Дмитрій Треповъ. Сюда онъ явился безъ стражи и перуновъ и къ нему можно подойти поближе.

Большой, очень большой человѣкъ, по крайней мѣрѣ, физически. Онъ на двѣ головы выше своихъ собесѣдниковъ. Лицо у него крупное, щеки отсвѣчиваютъ бронзовымъ лакомъ, глаза большіе, спокойные, слегка налитые кровью.

Фигура—совсѣмъ ассирійскій завоеватель Ассурбанипалъ II, только переодѣть его изъ мундира въ хламиду и дать въ руки отточенную кавалерійскую шашку. Это типъ изъ древней исторіи. Навѣрное, онъ до сихъ поръ собственноручно скальпируетъ плѣнныхъ.

Однако, неужели они всѣ такіе большіе? Нѣтъ, благодаря Бога, не всѣ. Вотъ проходитъ мимо маленькій мирный старичекъ, сухопутный распорядитель всѣхъ плѣнныхъ и подводныхъ флотовъ. Мнѣ вспоминается смѣшная каррикатура, на которой онъ изображенъ послѣ Кронштадта, Севастополя и Владивостока,—„безъ портовъ".

Ассиріецъ вызываетъ сенсацію. Группа крестьянъ разсматриваетъ его издали и значительно перешептывается. Три дня тому назадъ такую же сенсацію вызвали во время пріема во дворцѣ новѣйшіе сіамскіе близнецы, Витте-Дурново. Наивные деревенскіе депутаты громкимъ шепотомъ спрашивали: „А которая изъ ихъ Дурнова?"—и показывали пальцами.

Впрочемъ, ассирійскій военачальникъ чувствуетъ себя превосходно. Очевидно, его пищевареніе въ полномъ порядкѣ. Онъ поглядываетъ на публику и спокойно усмѣхается.

Мимо пробѣгаетъ милѣйшій Н. А. Гредескулъ, маленькій, нервный, весь брызжущій энергіей. Николай Андреевичъ тоже чувствуетъ себя не хуже ассирійскаго начальника. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Харькова, черезъ Архангельскъ, и по этому поводу онъ полонъ вѣры въ будущее. „Я, знаете, сталъ совсѣмъ оптимистомъ", говоритъ онъ мнѣ на ходу. „Мнѣ кажется, теперь народъ побѣдилъ"...

Важно и мягко проплываетъ Столыпинъ, саратовскій губернаторъ, нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же направленіи, но нѣсколько поодаль проходитъ С. В. Аникинъ, депутатъ саратовскихъ крестьянъ. Оба косятся другъ на друга, но не говорятъ ни слова. А между тѣмъ это старые знакомцы. Аникинъ былъ два года „на замѣчаніи", еще два года „на дурномъ счету", а послѣдніе полгода, въ виду дарованія свободъ, даже прямо въ бѣгахъ, на нелегальномъ положеніи.

— А теперь, молъ, иду мимо гоголемъ и въ усъ себѣ не дую...— Что думаетъ Столыпинъ въ эту минуту—я не знаю. Быть можетъ, вспоминаетъ характеристику депутатовъ изъ устъ премьера: „Добрая треть этихъ людей просится на висѣлицу".

Во всѣхъ группахъ слышится оживленный говоръ. Въ Вязникахъ полиція разстрѣляла толпу. Въ Вологдѣ сожгли Народный домъ. Въ Могилевской губерніи избили, разграбили, разстрѣляли.

— Въ Петровскомъ уѣздѣ,—разсказываетъ мнѣ другой саратовскій депутатъ,—въ селѣ Тугускѣ, стражники и казаки разстрѣляли 28 человѣкъ, положили на подводы и повезли въ городъ Петровскъ. Они свалили трупы у тюремной ограды, привязали лошадей и поставили часовыхъ. Дня черезъ три лошади издохли съ голоду и легли рядомъ съ трупами.

— А у насъ ничего не было,—неожиданно возражаетъ стоящій рядомъ крестьянинъ.—Ни ареста, никакого карательства. Все тихо, мирно.

— Господи, да откуда вы?—съ удивленіемъ восклицаютъ сосѣди.

— Я олонецкой,—объясняетъ депутатъ съ сильнымъ выговоромъ на *о*.

Въ голосѣ его звучитъ недовѣріе къ чужимъ несчастіямъ.

Слушатели высказываютъ возмущеніе.

Вы развѣ не слыхали, что надъ Россіей дѣлаютъ?—спрашиваютъ съ разныхъ сторонъ.—Весь народъ передрали.

— У насъ тихо, мирно, — стоитъ на своемъ олончанинъ.

— У меня у самого два ребра сломали,—негодуетъ рабочій, сухой и жилистый, съ виду скорѣе способный переломать ребра у другихъ.

— У насъ никого не бито,—возражаетъ олончанинъ.

Огромная пестро-изсѣченная Россія!.. Несмотря на усиленную дѣятельность попечительнаго начальства, еще остались углы, гдѣ не было карательства, гдѣ никого не бито!.. Воистину велика Федора.

Въ центрѣ залы небольшой народный митингъ. Нѣсколько депутатовъ спорятъ. Со всѣхъ сторонъ торопливо сходится толпа, какъ на уличномъ перекресткѣ во время „происшествія". Составъ толпы смѣшанный: мужики, господа, барышни. Есть даже одинъ или два вездѣсущихъ студента. Неизвѣстно, откуда они взялись,—свалились съ неба или влѣзли въ замочную скважину.

Споръ идетъ на ту же постоянную тему, что прежде всего: земля или воля.

— А по-нашему земля пуще,—доказываетъ мужикъ, съ широкой русой бородой и въ сапогахъ бутылкой.—Мы землей голодуемъ. У насъ по деревнѣ говорятъ:

— Голодное брюхо къ ученью глухо. Прежде брюхо натолкай, а потомъ учи.

— Ну, что съ вашей земли?—возражаетъ рабочій, высокій, рыжій и злой, съ лицомъ энергическимъ и узкимъ, какъ топоръ.

— Безъ воли и землю не ухватишь. Придутъ войска, землю отнимутъ, высѣкутъ, посадятъ, свѣта не взвидишь, вотъ и земля.

— Намъ безъ земли—зарѣзъ,—настаиваетъ крестьянскій депутатъ.

— А мы за волю дадимъ горло перерѣзать,—возражаетъ рабочій пылко и мрачно.

— Сами перерѣжемъ, поправляетъ сосѣдъ.

— *И* земля *и* воля,—примирительно напоминаетъ грузный бородатый мужчина:—Все вмѣстѣ.

Въ общемъ и публика и споръ очень напоминаютъ засѣданія Крестьянскаго Союза.

Два интеллигента тоже завели споръ о землѣ и волѣ. Оба они кадеты, но точки зрѣнія у нихъ разныя.

— Какъ же возможно провести земельную реформу безъ утвержденія свободъ? — говоритъ одинъ. И населеніе понимаетъ.

— Понимаетъ, да не совсѣмъ,—возражаетъ другой,—не то бы не держался старый строй. А вы дайте населенію

вмѣсто теоретическаго поученія, — наглядный урокъ фактами.

— Вы хотите земли? Вотъ вамъ земля казенная и удѣльная, монастырская и частновладѣльческая. Такія-то условія выкупа государствомъ. Такія-то условія передачи земли въ руки трудового крестьянства.

— Теперь попробуйте взять эту землю! Нельзя, не даютъ, предпочитаютъ разогнать думу и править попрежнему.

— Стало быть, безъ свободы и народовластія нельзя добыть и земли.

— Вотъ вамъ урокъ...

Рядомъ говорятъ объ амнистіи.

— Слышали министерскій проектъ?—спрашиваетъ высокій депутатъ съ умнымъ насмѣшливымъ лицомъ.

— Какой?—слушатели сдвигаются ближе.

— Дать широкую амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, кромѣ трехъ категорій: 1) всѣ, сосланные въ Сибирь; 2) привлеченные къ суду; 3) подвергнутые тюремному заключенію...

Слушатели смѣются.

— Нечего имъ ходить по край воды,—негодуетъ одинъ,—какъ купальщику кругомъ озера. Купаться не хочется, лѣзть надо. Пора имъ спуститься въ эту холодную ванну...

— А то-жъ!—поддерживаетъ грузный полтавскій казакъ, въ длинномъ кафтанѣ, обмотанномъ цвѣтнымъ поясомъ, какъ будто прямо выскочившій изъ гоголевской сорочинской ярмарки:—Оно и по-нашему такъ. Одинъ кумъ тонетъ, другой кумъ смотритъ, кумъ куму говоритъ: — „Не тратьте, куме, силы, спущайтесь на дно!“

Раздается звонокъ, возвѣщающій о началѣ засѣданія. Разговоры прекращаются, кулуары быстро пустѣютъ.

Интересъ къ засѣданіямъ слишкомъ великъ и новъ, чтобы кто-нибудь пожелалъ пропустить даже начало. Въ овальномъ залѣ не осталось ни одного человѣка. Можно подумать, что Таврическій дворецъ пустъ попрежнему.

* *
*

Засѣданіе открыто. Депутаты расположились на скамьяхъ разбросанными группами. Только кадеты образуютъ болѣе сплоченное ядро. Они помѣстились на крайней лѣвой. Сѣсть лѣвѣе ихъ нельзя, развѣ лѣпиться на стѣну. Но вперемежку съ ними усѣлись многіе представители трудовой групп. Ядро трудовой группы собралось на верхнихъ скамьяхъ, какъ зачатокъ русской „Горы".

Вотъ крупная фигура Пустовойтова, слонообразный Шельгоринъ, огромный и страшный, съ шрамомъ поперекъ лица, и рядомъ съ нимъ Ульяновъ, маленькій, кроткій, задумчивый, мухи не обидитъ,—по опредѣленію своихъ товарищей. Ему, однако, пришлось съѣздить въ Тюмень, а ужъ оттуда въ Петербургъ. Дальше Жилкинъ, высокій, спокойный, рябой. У Жилкина бываютъ приступы краснорѣчія, искренняго и простого, которое исходитъ изъ сердца и потому достигаетъ до сердца слушателей. Недаромъ, Іудушка изъ „Новаго Времени" уже успѣлъ забѣжать впередъ и съ характерной льстивой грубостью отмѣтить молодого растущаго оратора изъ крестьянской группы.

Вотъ Аникинъ, неразговорчивый, всегда чѣмъ-то озабоченный.

Онъ разгарается медленно, но пламя, которое онъ даетъ, горитъ ярко. И звукъ его голоса высокій, подмывающій, какъ труба.

На переднихъ скамьяхъ—депутаты разныхъ партій.

Вотъ монументальная фигура Максима Ковалевскаго. Мнѣ вспоминается Америка, Мамонтова пещера, узкій лазъ въ одномъ изъ ходовъ съ многозначительной кличкой: *горе толстыхъ людей*.

По разсказамъ проводника, Максимъ Максимовичъ хватилъ горя въ этомъ тѣсномъ лазу.

Рядомъ съ нимъ — Назаренко, съ лицомъ нервнымъ и злымъ, какъ у ловчей птицы, съ тонко-очерченными ноздрями прямого, красиваго носа, истый потомокъ какого-нибудь запорожскаго „лыцаря", переселенца на свободную Украйну.

Въ группѣ поляковъ бѣлѣютъ пестрые кафтаны крестьянскихъ представителей. Позавчера я видѣлъ ихъ въ клубѣ трудовой группы. Они приходили брататься съ русскими крестьянами. Но, увы, они принесли для общаго сужденія только одно свое національное горе.—Намъ жить нельзя,—жаловался одинъ.—Насъ искореняютъ. Я положилъ палецъ на крестъ моего Спасителя и клялся: пусть я пропаду. Иду за свой народъ.

— Въ этомъ мы согласны, — успокаивали его русскіе крестьянскіе депутаты.—Но вы скажите намъ свои мысли насчетъ земли.

— Мы и насчетъ земли такъ само, какъ вы, — говорилъ польскій крестьянинъ. — Напримѣръ, въ моей губерніи есть майоратъ Милютина, то его надо отобрать и раздѣлить польскому люду. Это польская земля.

— Зачѣмъ одного Милютина? — возражали русскіе.—У васъ есть тамъ свои графы, Замойскіе, Потоцкіе... А съ ихъ землями какъ?

— Съ тѣми землями также рѣшить,—выпалилъ полякъ, какъ будто съ разгону, но тотчасъ же осѣкся и перемѣнилъ тонъ.

— Я этого не знаю,—объяснилъ онъ, — я человѣкъ не письменный. У насъ въ комитетѣ есть своя программа. Тамъ могутъ объяснить...

Увы, представители польскаго комитета выступали сегодня съ оговорками насчетъ земли. — Польскій крестьянинъ относится къ землѣ иначе. О землѣ пусть рѣшитъ варшавскій сеймъ.

А графъ Потоцкій собирался даже доказать Государственной Думѣ „съ цифрами въ рукахъ“, что новое надѣленіе невыгодно самому крестьянину... Впрочемъ, разговоры въ крестьянскомъ клубѣ уже по ствовали развращающе на польскаго мужика.

— Мы устроимъ польскій сеймъ на общемъ выборномъ правѣ,—заявилъ онъ.—Тогда мы этихъ графовъ ототремъ въ сторону и двинемъ впередъ дѣтей бѣднаго народа.

Крестьянскій клубъ — это такой загонъ, гдѣ домашніе гуси быстро превращаются въ дикихъ. Быть можетъ, и польскія залетныя птицы не составятъ исключенія.

Начинаются депутатскія рѣчи. Надо отдать справедливость Муромцеву и всѣмъ кадетамъ, — они налаживаютъ думскую организацію исподволь, не торопясь, съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой, не наспѣхъ, а видно на сто лѣтъ. Трудовые члены думаютъ иначе, особенно рабочіе.

— Мы не жить сюда пришли, — сказалъ мнѣ депутатъ Смирновъ,—а только дорожку торить.

Какъ бы то ни было, въ Думѣ все катится, какъ на рессорахъ.

Чиновники—воплощенная вѣжливость. Унтера съ медалями пылаютъ исполнительностью и готовы устремиться впередъ по первому знаку каждой поддевки или свитки депутатскаго званія.

Чуть заговорятъ съ каѳедры, — барышни-стенографистки уже засновали въ проходѣ, быстрыя, безшумныя и опрятныя, какъ пчелки въ ульѣ. Глядишь, — черезъ четверть часа на стѣнѣ уже вывѣшенъ печатный бюллетень. Только буфетъ не соотвѣтствуетъ призванію, и три четверти депутатовъ жалуются на высокія цѣны...

Уже три часа идетъ обсужденіе временныхъ правилъ о прекращеніи преній. Дума ропщетъ. Лѣвые кадеты и „трудовые" члены объединены однимъ и тѣмъ же настроеніемъ; они хотятъ идти впередъ, не заботясь о формальностяхъ.

Но предсѣдатель неумолимъ и думская комиссія тоже.

Ухъ, слава Богу, конецъ. Всѣ пункты приняты.

Примѣнить ихъ пришлось очень скоро, ибо ерогинская команда пытается устроить обструкцію и требуетъ отложить засѣданіе.

Ораторомъ выступаетъ московскій депутатъ Ильинъ, типичный волостной старшина, въ черномъ кафтанѣ, съ длинной черной, какъ будто подклеенной бородой.

Ильинъ говоритъ по бумажкѣ, часто запинается, дѣла-

етъ паузы и напряженно разсматриваетъ свою запись. Кто составилъ эту запись? Не тотъ же ли Ерогинъ?

— Когда меня произвели въ члены Государственной Думы...—говоритъ Ильинъ.

Дума смѣется.

— Мы—малограмотные, малообдуманные люди, — говоритъ Ильинъ,—дайте намъ сроку обсудить проектъ.

Плохіе аргументы для активнаго воздѣйствія на законодательное собраніе!

— Взялся за плугъ, не оглядывайся,—возражаетъ полтавскій депутатъ.—А не обдумалъ, то вертайся домой.

При дѣйствіи временныхъ правилъ пренія прекращены и отсрочка отвергнута.

Докладчикъ второй комиссіи читаетъ проектъ адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь.

Министры сидятъ и слушаютъ. Родичевъ уже на каѳедрѣ и произноситъ длинную рѣчь. Главное орудіе Родичева—это голосъ, громкій, боевой, задѣвающій за живое. Жесты Родичева широки, но разсчитаны. Онъ дѣлаетъ удачныя паузы и имѣетъ въ запасѣ эффектный конецъ.

Родичевъ, подражая герцогу Ларошфуко во французскомъ учредительномъ собраніи, громитъ подгнившіе сословные устои, отрекается отъ дворянскихъ привилегій. Къ сожалѣнію, рѣчь его обращена къ правой, онъ бичуетъ ее и говоритъ интеллигентнымъ языкомъ. Лучше бы ему обращаться къ крестьянамъ на верхнихъ скамьяхъ и говорить проще и понятнѣе.

Ораторы смѣняютъ другъ друга.

На каѳедру выходитъ Жилкинъ.

Манера Жилкина—прямая противоположность Родичеву. Голосъ у него низкій, паузы неровныя. Онъ часто не знаетъ, что дѣлать съ своими длинными руками.

Но рѣчь Жилкина производитъ глубокое впечатлѣніе. „Товарищи-крестьяне и рабочіе! Вспомните самое важное—нужно сказать общее слово отъ всѣхъ, если не полнымъ голосомъ и не отъ всего сердца, то все-таки единодушно,

представить правду, хотя и полуприкрытую. Въ этомъ словѣ— только часть нашего гнѣва. Сегодня намъ всѣмъ экзаменъ. Здѣсь собрались люди различныхъ классовъ, имѣющіе достатокъ, и неимѣющіе. Многіе при лучшихъ намѣреніяхъ не могутъ безслѣдно вычеркнуть прошлое, прочувствовать всю полноту страданій, испытанныхъ низшими классами. И вотъ одни изъ этихъ людей будутъ увлекать насъ въ высоту, другіе станутъ тащить внизъ, въ трясину. Адресъ нашъ представляетъ среднюю высоту".

Пренія затягиваются. Екатеринославскій адвокатъ Способный тоже выступаетъ съ рѣчью. У этого человѣка есть мужество.

— Я противъ отмѣны смертной казни,—говоритъ онъ,— когда кругомъ столько убійствъ. Ѣдятъ же люди ростбифъ, давятъ капустныхъ червяковъ...

— Довольно!—протестуетъ Дума. Предсѣдатель звонитъ въ колокольчикъ и призываетъ къ порядку.

— Вы хотите дать рабочимъ свободу стачекъ,—продолжаетъ Способный. — Но всему свѣту извѣстно, что стачки всего разорительнѣе для самихъ же рабочихъ...

Дума волнуется. Лѣвыя скамьи чихаютъ. Наверху кто-то кашляетъ суровымъ, густымъ, угрожающимъ басомъ:— Хм, хм!..

— Поставьте рабочихъ въ такое условіе, чтобы они не нуждались въ забастовкахъ, — заканчиваетъ Сп собный не безъ паѳоса и сходитъ съ каѳедры.

Нѣкоторые депутаты подпимаются съ мѣста и выходятъ вонъ. Въ кулуарахъ опять собрались группы.

Рабочіе глубоко возмущены рѣчью Способнаго.

— Что онъ предлагаетъ?— негодуетъ екатеринославскій депутатъ, землякъ Способнаго. — Поставить рабочихъ въ такія условія... Какія условія? Рабочую плату нормировать до двухъ рублей? Понравится ему? Ахъ, онъ...

— А чихать и кашлять не надо, — замѣчаетъ его сосѣдъ.—Лучше, когда такія рѣчи, подняться и уйти всѣмъ вмѣстѣ. Пусть говоритъ передъ пустыми скамьями.

Депутаты вернулись на мѣста. Пренія азтягиваются. Но

уходить никто не хочетъ. Новые законодатели готовы работать на всѣ десять цѣлковыхъ. Еще недавно иные крестьяне предлагали начинать съ девяти часовъ утра. Одинъ подолянинъ предложилъ даже начать „со солнечкомъ“.

И въ эту недѣлю Государственная Дума отбываетъ вмѣсто законнаго восьмичасового, долгій и страдный одинадцатичасовой рабочій день.

II.

Всѣ депутаты сидятъ на мѣстахъ.

Слѣва отъ каѳедры Государственный Совѣтъ занялъ свои тридцать кресселъ. Справа въ переднемъ ряду сидятъ министры, а въ заднемъ ихъ товарищи почти въ полномъ составѣ. Ложи для публики биткомъ набиты. Даже въ царской ложѣ есть посѣтители. Сегодня политическая „премьера“, великое зрѣлище первой парламентской битвы.

И въ роли главнаго актера премьеръ-министръ.

Дума молчитъ и ждетъ. Изрѣдка по скамейкамъ какъ будто пробѣгаетъ волна. Въ залѣ тихо, напряженно и неспокойно. Сегодня Дума собирается взять реваншъ за двѣ недѣли вынужденнаго бездѣйствія, колебаній, отсрочекъ и неожиданныхъ препонъ. Вмѣсто закулисныхъ призраковъ и исходящихъ бумагъ за номеромъ, она будетъ имѣть дѣло съ настоящими, живыми министрами. Она собирается испробовать на нихъ свои молодые когти и растерзать ихъ.... на словахъ.

Въ ложѣ журналистовъ насъ шестьдесятъ человѣкъ. Я стою въ неустойчивомъ равновѣсіи на закраинѣ ступеньки, но сосѣди стиснули меня со всѣхъ сторонъ и не даютъ мнѣ упасть.

Два часа тридцать минутъ. Горемыкинъ выходитъ на трибуну и начинаетъ читать декларацію. У него пышныя сѣдыя баки и толстая шея. Читаетъ онъ глухимъ голосомъ, и въ

горлѣ у него сохнетъ. Три раза онъ наливаетъ себѣ воды изъ графина, и когда онъ поднимаетъ стаканъ, рука его дрожитъ. Впрочемъ, постепенно голосъ его крѣпнетъ и пріобрѣтаетъ особую тяжелую выразительность. Весь онъ похожъ на стараго школьнаго учителя. Вотъ онъ читаетъ Думѣ урокъ о томъ, что есть частная собственность, и въ тактъ чтенію слегка покачиваетъ головой. Зачѣмъ здѣсь нѣтъ Сергѣя Юльевича Витте? Онъ разсказалъ бы анекдотъ о Ротшильдѣ и коммунистахъ, старый нѣмецкій анекдотъ времени нашихъ бабушекъ.

Изложеніе Горемыкина слишкомъ сухо и безцвѣтно.

Однако мы стараемся не проронить ни слова.—Ничего никому не дамъ. Требованіе безусловно недопустимое. Разложеніе основъ государственности, подтачиваніе жизненныхъ силъ отечества...

Ни воли, ни земли, ни амнистіи.

Однимъ словомъ все то самое, о чемъ мы прочитали наканунѣ въ „Странѣ".

У меня начинаетъ сосать подъ ложечкой. Во первыхъ, въ ближайшемъ будущемъ мнѣ предстоятъ два политическихъ процесса и безъ амнистіи мнѣ придется солоно. Во вторыхъ, вчера вечеромъ я держалъ пари, что „Страна" перепутала, и что незачѣмъ первому министру выступать съ такою декларацiей предъ такою Думой... И пари проиграно.

Послѣдній отказъ, послѣдній пунктъ „дѣловой программы".

— Уничтоженіе общины и преобразованіе крѣпостныхъ пошлинъ. Декларація окончена, и министръ сходитъ съ каѳедры.

Будетъ-ли перерывъ? Нѣтъ, не будетъ. Дума готова къ отвѣту.

Все заранѣе условлено и расписано по ролямъ. Кадеты и трудовая группа вступили въ соглашеніе. Они выпустятъ по три оратора съ каждой стороны. Всѣ рѣчи должны кончаться однимъ и тѣмъ же заключительнымъ аккордомъ: выраженіе недовѣрія министерству и требованіе его выхода въ отставку.

Набоковъ выходитъ первымъ. Онъ говоритъ вѣско, зло и спокойно.

— По вопросу объ амнистіи мы отрицаемъ возможность всякаго посредническаго голоса между нами и верховной властью.

— Въ тонѣ министерства мы усматриваемъ вызовъ, и этотъ вызовъ мы принимаемъ.

— Съ точки зрѣнія народнаго предстивительства мы можемъ сказать только одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ лица какой власти говорилъ Горемыкинъ?

Законодательная власть принадлежитъ Думѣ, Государственному Совѣту и монарху. Положимъ такъ. Исполнительная власть принадлежитъ монарху. Очень хорошо. Но первый министръ говорилъ не отъ лица монарха. Онъ говорилъ отъ явнаго лица бюрократіи и тайнаго лица придворной камарильи. Но даже наша „медвѣжья конституція въ рамкахъ основныхъ законовъ“ не знаетъ такихъ законодательныхъ инстанцій, какъ Звѣздная Палата. Горемыкинъ, видимо, слишкомъ неопытенъ и черезчуръ откровененъ.

Громъ продолжительныхъ рукоплесканій. Набоковъ кончилъ. Длинная фигура Родичева поднимается по ступенькамъ. Онъ повернулся лицомъ къ министерской скамьѣ. Я вижу, какъ Горемыкинъ слегка откинулся назадъ и прикрылъ рукою глаза. Въ глазахъ Родичева сверкаетъ жестокое веселье. Всю свою жизнь онъ ждалъ этой минуты. Помню, лѣтъ восемь тому назадъ мнѣ пришлось слышать одно изъ его характерныхъ заявленій: „Они думаютъ: за ними верхъ. Нѣтъ. Я буду жить такъ долго, что дождусь увидѣть, какъ они полетятъ съ своего мѣста внизъ головой“. Онъ жилъ и ждалъ... спокойно ждалъ.

Теперь онъ дожилъ. Жесткіе усы Родичева слегка топорщатся. Весь онъ похожъ на большого кота передъ неосторожной птицей. Онъ дѣлаетъ остановки и, видимо, подбираетъ слова похлеще и поувѣсистѣе... Временами онъ выбрасываетъ впередъ правую руку, длинную, предлинную,

Съ моего мѣста мнѣ кажется, что она достаетъ до скамей на правой сторонѣ и задѣваетъ кого-то по лицу своимъ обличительнымъ перстомъ.

— Въ совѣсти государственныхъ людей нынѣшняго правительства не написано сознанія отвѣтственности.

— Военное положеніе—средство, годное для управленія дураковъ (цитата изъ Кавура).

— Отъ одного изъ носителей власти я слышалъ много лѣтъ тому назадъ, что отвѣтственность властей передъ закономъ—это просто глупость. Эту глупость сегодня я слышалъ съ трибуны изъ устъ министра (опять „дураки").

— Министры, совѣсть ваша (опять совѣсть) вамъ подсказываетъ, что вы должны уйти...

Аникинъ вноситъ въ пренія новую ноту, аграрную, крестьянскую, страшно понятную для любого темнаго простолюдина.

— Правительство заботится о насъ, крестьянахъ. Три четверти русскихъ тюремъ наполнены крестьянами. Груды труповъ и переломанныхъ костей, которыми усѣяна страна, это крестьянскія кости. Вотъ эта забота.

— Вы охраняете собственность? У меня есть документъ, въ которомъ разсказано, какъ земскіе начальники угрожаютъ цѣлымъ волостнымъ сходамъ: „Если сгоритъ хоть одинъ помѣщикъ, мы подожжемъ всѣ ваши деревни". Вотъ охраненіе крестьянской собственности.

— Вы предлагаете намъ переселеніе въ сибирскія степи. Мы бы предложили переселиться туда вамъ самимъ, кому скоро нечего будетъ дѣлать въ Россіи. Можете разводить тамъ на досугѣ капусту...

— Требуемъ земли, требуемъ правъ, требуемъ воли. Такое министерство не можетъ быть терпимо. Или мы, или они...

Ледницкій говоритъ отъ имени отдѣльныхъ національностей.

— Легкомысленныя руки два года разжигаютъ огромный пожаръ. Пусть опомнятся раздувающіе уголья. На нихъ лежитъ отвѣтственность за опустошеніе стихіи. Разбушевав-

шись, она снесетъ долой и васъ самихъ, и все, что дорого каждому честному человѣку.

— Представители всѣхъ національностей объединились съ русскимъ народомъ для общаго дѣла, которому всѣ служатъ. Рука объ руку съ нимъ они надѣются дойти до лучшаго будущаго.

Боже, какая баня. Рыжковъ, Аладьинъ, Кокошкинъ...

Аладьинъ задаетъ министрамъ словесную шараду:—Какое слово, примѣнимое къ вашимъ поступкамъ, выразительнѣе „смѣлости" и начинается съ буквы *н*?..

Кокошкинъ совѣтуетъ напечатать декларацію министерства фельетономъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ".

Объявляется короткій перерывъ. Овальный передній залъ почти мгновенно наполняется депутатами и публикой. По случаю великаго зрѣлища сегодня публика смѣшанная. Рядомъ съ пиджаками и цвѣтными рубахами расхаживаютъ камергеры, расшитые сзади, офицеры и барышни, одинаково затянутые въ рюмочку, даже ливрейные лакеи съ чьими-то собольими накидками на правой рукѣ.

Въ разныхъ концахъ шумъ, говоръ, лихорадочное оживленіе.

— Нѣтъ, зачѣмъ они сюда полѣзли?

— Такъ вѣдь они не понимаютъ.

— Какъ не понимаютъ? Что они думали, депутаты имъ благодарственный адресъ поднесутъ?—„Господа Минъ, Алихановъ и вся компанія! Я благодарю васъ за то, что вы меня посадили въ тюрьму, а я за то, что вы застрѣлили мою двоюродную сестру. Мы только этого и добивались"...

* * *

— Учивъ насъ министръ.

— Эге, учивъ, якъ я свого вола учу. Щобъ вонъ мене слухавъ...

* * *

— У насъ рѣчи, у нихъ штыки!..
— Нельзя сидѣть на штыкахъ!..
— На пулеметахъ можно. Сидѣнье шире...

* * *

Натолкли тымъ министрамъ морду, якъ котамъ надъ чужой сметаною.

* * *

— А правда, будто Горемыкинъ сказалъ, что третья часть депутатовъ въ тюрьму просится?
— Коли казавъ, то и то брехня. Десятка полтора изъ тюрьмы вышли, а въ тюрьму никто не просится.

* * *

— Нѣтъ, зачѣмъ они сюда полѣзли?
— Стрѣлять-то они горазды, а разговаривать-то не съ ихъ умѣньемъ.

* * *

Наверху частное совѣщаніе трехъ парламентскихъ группъ,— кадетской, трудовой и „черной партіи“.

Черной партіи совсѣмъ мало. Идти приходится по корридору, и комната „черной партіи“ дальше всѣхъ. Нѣсколько крестьянъ, лица которыхъ мнѣ неизвѣстны, доходятъ до „трудовой“ комнаты, нерѣшительно останавливаются и входятъ внутрь.

— Стыдно пройти,—тихонько сообщилъ мой пріятель-полтавецъ, красный въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ.
— Стали теперь разбираться, что и къ чему.

Кадеты и „трудовые“ сошлись вмѣстѣ. Милюковъ читаетъ проектъ кадетской резолюціи, но она, видимо, не нравится самимъ кадетамъ.

— У насъ тоже есть проектъ,—заявляетъ Жилкинъ.
— Читайте,—отвѣчаютъ кадеты.

Жилкинъ читаетъ, оттѣняя своимъ спокойнымъ, меланхолическимъ голосомъ рѣшительный тонъ нѣкоторыхъ фразъ.

— Господа, какой изъ этихъ проектовъ поставить въ основу обсужденія?.. Голосую первый.

Но никто изъ кадетовъ не поднимаетъ руки.

Милюковъ нѣсколько смущенъ. Онъ хотѣлъ было поднять руку, но во-время удержалъ ее.

— Принята формула Жилкина. Теперь будемъ обсуждать поправки къ ней.

— Не надо поправокъ! — заявляютъ кадеты. — Только испортимъ ее.

Но они все-таки испортили ее потомъ.

Сговоръ продолжается. Выпустить по два оратора, а потомъ прекратить пренія. Довольно говорено. А остальные пусть откажутся изъ обѣихъ группъ. А если изъ меньшинства кто хочетъ говорить, пускай. Это ихъ дѣло.

Еще нѣсколько частностей. Все готово, можно поднимать занавѣсъ.

Чистка возобновляется. Щепкинъ обвиняетъ министровъ въ незнаніи основныхъ законовъ ихъ собственной выработки и не находитъ для нихъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Винаверъ говоритъ отъ имени евреевъ.

— Мы представители самой отверженной, самой угнетенной національности.

— Мы до сихъ поръ не говорили съ этой трибуны. Теперь мы не можемъ больше ждать... По отношенію къ гражданскому равенству въ вашей деклараціи,—въ этой бумагѣ, которая лежитъ передо мною, — употреблена фигура умолчанія.

Онъ схватываетъ „эту бумагу" и брезгливо трясетъ ее, какъ грязную тряпку.

— Зачѣмъ вы молчали,—кричитъ Винаверъ и стучитъ кулакомъ по каѳедрѣ.—Нѣтъ, зачѣмъ вы молчали?..

— Вы молчали, ибо вамъ было стыдно говорить.

— Я хочу пригвоздить къ позорному столбу предъ лицомъ Россіи и предъ лицомъ цѣлаго міра...

Ого, крупныя слова... Желалъ бы я знать, что думаетъ

...ръ Горемыкинъ? Вѣроятно чувствуетъ себя свирѣпымъ ...семитомъ. Винаверъ кончилъ.

Огосродниковъ тоже стучитъ кулакомъ и кричитъ.—Мы ...е позволимъ министрамъ смѣяться надъ нами!

Апогей возбужденія. Въ воздухѣ пахнетъ разгономъ, ...я предсѣдатель не разрѣшаетъ ораторамъ даже упоми...ь это слово. Дума, очевидно, выше упрековъ и выше ...згона. Впрочемъ, говорятъ, что у Горемыкина на всякій ...чай въ карманѣ лежитъ соотвѣтственная бумажка...

Но что это? Министръ юстиціи Щегловитовъ подаетъ ...дсѣдателю записку и тотчасъ же выходитъ на трибуну. ... начало ли конца?

Совсѣмъ наоборотъ. Двѣ первыя фразы, и я уже утѣ...ъ по поводу проиграннаго мною вчера вечеромъ пари. ...ихъ вещей нельзя предвидѣть. Онѣ *бываютъ* въ дѣй...ительности, но разсчитать ихъ впередъ нѣтъ никакой воз...жности. Фридрихъ Великій когда-то говорилъ, что не ...етъ, какъ воевать съ генераломъ Салтыковымъ по не...двидѣнности его поступковъ. Я тоже сдѣлалъ разсчетъ ...ъ генерала Салтыкова и мудрости русскихъ министровъ, ... потому я ошибся.

Министръ Щегловитовъ — мужчина пріятнаго вида, рос...й и статный, съ улыбкой и совершенно медовымъ языкомъ.

Онъ желаетъ полить бурныя волны думскаго краснорѣчія ...сломъ своей словесной законности.

— Правительство не будетъ стоять на почвѣ дальнѣй...шаго попиранія закона. (Это *дальнѣйшее попираніе* без...подобно).

Положеніе министровъ въ высшей степени трудно. (Тонъ Щегловитова жалобный, казански-сиротливый)... Время, ко...орое переживаетъ Россія, есть время исключительное... Старые законы обветшали, но пока мы обязаны ими руко...водствоваться...

— Нѣкоторые вопросы на нѣсколько иныхъ основаніяхъ... Изъ столкновенія мнѣній рождается истина (переводъ съ французскаго)...

Гдѣ же анекдотъ о Ротшильдѣ? Я жду. Нѣтъ, вмѣсто анекдота, притча о плохой постройкѣ, взятая взаймы изъ нововременскаго фельетона... Кончилъ Щегловитовъ.

Думская баня продолжается. Ораторы моютъ и Щегловитова, благо онъ подвернулся подъ руку.

Максимъ Максимычъ Ковалевскій подражаетъ графу Мирабо.

— Мы будемъ исполнять возложенныя на насъ обязанности. Только грубая физическая сила можетъ удалить насъ отсюда...

Я вспоминаю слышанную мною недавно мужицкую оцѣнку нѣкоторыхъ членовъ Думы изъ наиболѣе рослыхъ.—„Восьмипудовые ребята, на каждаго пяти бутарей мало“...

Сколько бутарей потребуется, чтобы выдворить съ трибуны вождя партіи н. д. р., разумѣется, если онъ самъ не уйдетъ?

На трибунѣ графъ Гейденъ. Онъ убѣленъ сѣдиною, голосъ у него слабый, станъ согнутый; весь онъ какъ будто насилу держится. Гейденъ ведетъ себя въ Думѣ прилично, нѣсколько сварливо, но въ общемъ даже мило.

Каторжный старый порядокъ, насквозь гнилой и подлый, былъ мѣстами покрытъ пятнами благороднаго налета. Гейденъ—представитель этого налета. Онъ говоритъ, какъ старая віолончель изъ Тургеневскихъ „Отцовъ и дѣтей“. Музыка тихая, назойливая, но никому не вредная... Браво. Гейденъ тоже высказываетъ недовѣріе министерству и совѣтуетъ ему уйти, не *требуетъ*, совѣтуетъ,—въ этомъ вся разница.

Громъ рукоплесканій. Дума особенно утѣшена одобреніемъ октябристовъ.

На трибунѣ послѣдній ораторъ, тамбовскій трестьянинъ Лосевъ.

У него характерная фигура. Онъ приземистъ, остриженъ въ скобку, говоритъ совсѣмъ по-простонародному.—„Теперьче, бываитъ, съ етой трибунѣ“. Онъ пріобрѣлъ даръ слова уже въ Петербургѣ.

Двѣ недѣли тому назадъ онъ внезапно заговорилъ въ трудовомъ клубѣ. Онъ назвалъ старый режимъ „полицейскимъ прижимомъ“ и прерогативы короны—„рогатинами власти“.

До сихъ поръ ему трудно подыскивать слова. И когда онъ начинаетъ говорить, полуинтеллигентная челядь, стоящая въ проходѣ къ дверямъ, откровенно смѣется. Но смѣхъ скоро проходитъ. Въ рѣчи Лосева и во всей его фигурѣ есть что-то мучительное, тяжело рвущееся наружу, похожее на статуи Родена, наполовину выступившія изъ камня, но не отчищенныя творческимъ рѣзцомъ. Старый „полицейскій прижимъ“ задержалъ духовное развитіе этого тамбовскаго мужика. Онъ былъ, какъ краденый ребенокъ въ рукахъ у торговцевъ уродами, съ дѣтства обвитъ черною тугою пеленою и вмѣсто великана остался карликомъ. Но теперь узы его разрѣшились, онъ говоритъ и постепенно выростаетъ. Смѣяться надъ нимъ нечего. Посмѣется хорошо, кто посмѣется послѣдній.

— Нынѣ я услыхалъ съ трибуны этотъ ужасный голосъ (Лосевъ имѣетъ въ виду голосъ Горемыкина), и радость моя прекратилась. Бѣдному крестьянину указано остаться голоднымъ. Но я васъ остерегаю, не шутите съ крестьяниномъ. У него сила огромная. Напомню вамъ библейскаго священнаго человѣка, Самсона-богатыря. Хитростью узнали, въ чемъ его сила, и взяли его въ плѣнъ, и ослѣпили его. И когда вывели его на пиръ и стали издѣваться надъ нимъ, онъ сказалъ: „Дайте пощупать столбы, на которыхъ утверждено зданіе“ и обнялъ одинъ столбъ правою рукою, а другой столбъ лѣвою и сказалъ: „Умри моя душа вмѣстѣ съ филистимлянами!“ — И я не ручаюсь, вытерпитъ-ли наше крестьянство, несчастный Самсонъ. Или положитъ правую руку на одинъ столбъ и лѣвую на другой, — ораторъ простираетъ руки и указываетъ на именитыя ложи по обѣ стороны трибуны, — и скажетъ: „Умри моя душа вмѣстѣ съ филистимлянами!“

Лосевъ крѣпко тряхнулъ головой и сошелъ съ трибуны. Самсонъ далеко, далеко за думскими стѣнами. Его тяжелое дыханіе промчалось въ залѣ и снова исчезло. Довольно говорено!..

Жилкинъ читаетъ резолюцію.

— Усматривая... что правительство не желаетъ удовлетворить народныя требованія земли, правъ и свободы...

...и что правительство обнаруживаетъ явное нежеланіе избавить отъ новыхъ потрясеній страну, измученную нищетой, безправіемъ и произволомъ, выражаемъ полное недовѣріе министерству... Требуемъ выхода въ отставку.

Резолюція принята при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ большинствомъ всѣхъ противъ 11.

Историческій день окончился. А дальше что?

III.

— Въ отставку, въ отставку!

Итакъ, вотъ онъ—товарищъ министра Гурко, изъ рода Сухово-Кобылиныхъ, „властный укротитель Думы", какъ рекомендовало его восторженное „Новое Время". Но сегодня онъ вовсе не кажется такимъ властнымъ. Или, быть можетъ, эти буйные крики подѣйствовали на его нервы. Онъ весь съежился и молча ждетъ, пока пройдетъ буря. Слава Богу, замолчали. Властный ораторъ открываетъ ротъ.

— Въ отставку! — раздается на верху чей-то протодьяконскій басъ.

— Въ отставку!—отвѣчаетъ изъ лѣваго угла другой, еще гуще, еще свирѣпѣе.

Трудовики сидятъ группами въ разныхъ концахъ зала и обстрѣливаютъ оратора бѣглымъ, но мѣткимъ огнемъ.

Нѣкоторые стоятъ на своихъ мѣстахъ. Боже, какія у нихъ разозленныя лица! Сегодня въ первый разъ я вижу въ Думѣ лица по-настоящему злыя. Вотъ молодой крестьянинъ въ свиткѣ и полотняной сорочкѣ. Онъ какъ-то изогнулся, какъ будто готовится прыгнуть впередъ. Михайличенко стоитъ у стѣны и горящими глазами мѣряетъ трибуну и оратора. Правую руку онъ заложилъ за бортъ куртки... Нѣтъ-ли у него камня за пазухой?

Кадеты чинно молчатъ, скромно неодобряютъ и тихо злорадствуютъ. При всей своей благовоспитанности они весьма не прочь, чтобы министерскій Демосѳенъ получилъ легкое привѣтствіе отъ буйства лѣвыхъ.

Лѣвые замолчали. Гурко начинаетъ говорить.—Громче,—кричитъ Дума,—не слышно!..

— Я постараюсь говорить погромче, — говоритъ Гурко упавшимъ тономъ, и голосъ его никакъ не можетъ достигнуть надлежащей полноты. Бѣдный г. Гурко! Куда дѣвался его паѳосъ и развязный апломбъ? Онъ говоритъ кротко и довольно безсвязно. Вмѣсто того, чтобы нападать, — онъ оправдывается.

Дума съ своей стороны поощряетъ его въ паузахъ тѣми же привѣтственными криками.

— Въ чемъ заключается заявленіе, внесенное 42 членами Думы?—спрашиваетъ ораторъ.

— Въ отставкѣ,—отвѣчаютъ неугомонные трудовики.

Аргументы г. Гурко тѣ же, что и прошлый разъ. За двухдневный промежутокъ онъ не придумалъ ничего новаго.

Тѣ же четыре десятины на смѣшанную крестьянскую душу. Справедливая оцѣнка только въ Крестьянскомъ банкѣ. „Двухъ справедливостей не бываетъ“. Пара инсинуацій легкихъ, почти воздушныхъ, — и г. Гурко сходитъ съ трибуны безъ всякаго эффекта, если не считать упрямыхъ криковъ трудовой группы.

— Въ отставку!..

Это похоже на гипнотическое внушеніе. Чего добраго, г. Гурко возьметъ и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ въ отставку.

Стишинскій въ другомъ родѣ. Онъ старше, усы у него сѣдые. И говоритъ онъ монотонно, какъ будто жужжитъ.

Рѣчь его еще короче, чѣмъ рѣчь Гурко. Онъ обѣщаетъ въ скоромъ времени представить Думѣ свой аграрный планъ во всей полнотѣ.

— Въ отставку! — отвѣчаетъ Дума почти съ механической торопливостью.

Кто будетъ возражать? Конечно, кадеты. Первымъ говорить

ритъ И. Петрункевичъ. Рѣчь—длинная, вдумчивая, но нѣсколько тусклая. Кадетскій лидеръ, видимо, еще не оправился отъ недавняго нездоровья. А впрочемъ, онъ стучитъ по пюпитру и заявляетъ:

— Мы не уйдемъ отсюда, пока не разрѣшимъ аграрнаго вопроса.

— Вы говорите о патріотизмѣ,—обращается онъ къ министерскимъ скамьямъ. — Если бы у васъ была хоть искра патріотизма, вы не сидѣли бы на этихъ мѣстахъ...

За Петрункевичемъ говоритъ Герценштейнъ. Аргументы его не лишены занимательности. Но эту словесную дуэль мы уже слышали въ пятницу. Въ сущности, все это становится скучно и даже жутко. Что, если гг. Стишинскій и Гурко будутъ являться черезъ каждые два дня и также будутъ говорить о Крестьянскомъ банкѣ и четырехъ десятинахъ и также долго будетъ имъ возражать профессоръ Герценштейнъ?

Нѣтъ, на сегодня довольно. На трибунѣ — графъ Гейденъ. Онъ пускаетъ двѣ мѣткія стрѣлы въ министерство и кадетовъ, но Дума устала и не хочетъ слушать. Половина депутатовъ выходитъ въ кулуары. Мы, легкомысленные журналисты, слѣдуемъ за другими.

Стишинскій тоже вышелъ.

Но что я вижу?.. Штефанюкъ, подольскій хлѣборобъ, догоняетъ министра и смѣло кладетъ свою руку на его рукавъ.

Отважный Штефанюкъ. Малограмотный, бѣдно одѣтый, почти оборванный, онъ тѣмъ не менѣе уже говорилъ рѣчь въ думскомъ залѣ. Онъ разсказалъ Думѣ, что хлѣборобы держатъ весь свѣтъ на своей корявой шеѣ и что во время японской войны они собирали для тыхъ солдатиковъ по полтиннику и по карбованцу отъ своей бѣдной десятинки, а господа генералы тыи гроши въ карманъ поклали...

— Вотъ вы казали, — начинаетъ Штефанюкъ, — что у васъ великая забота о насъ, крестьянахъ. А какъ я вамъ прошеніе писалъ, то вы какой дали отвѣтъ?

— Я далъ отвѣтъ, — повторяетъ Стишинскій довольно-

таки растерянно. Понять Штефанюка не весьма легко, и кругомъ уже собралась толпа, какъ на улицѣ.

— А какже,—спокойно объясняетъ Штефанюкъ,—я Гайсинскаго уѣзда, мѣстечка Гранова. То у насъ товарищество, 14 человѣкъ. Отъ лѣсничества житья нѣту. То мы просили у васъ нарѣзку, 42 десятины. А вы дали отвѣтъ, что не можно намъ нарѣзать, пока не нарѣжутъ пану игумену?..

— Я не знаю,—признается Стишинскій тѣмъ же безпомощнымъ тономъ.

— То инші знаютъ, — настаиваетъ Штефанюкъ, — бо ктось бумагу писалъ... Не съ неба упало... А за что тому игумну земля? У него морда толще, чѣмъ эти двери. Каждый день доходу сто карбованцевъ.

Но Стишинскій уже овладѣлъ положеніемъ.

— Я запишу и велю навести справки, — заявляетъ онъ безстрастно. Онъ дѣлаетъ отмѣтку въ книжкѣ, слегка кланяется и уходитъ прочь сквозь разступившуюся толпу. Думаю, впрочемъ, что въ другой разъ, прежде чѣмъ выйти въ кулуаръ, онъ будетъ дѣлать предварительныя рекогносцировки.

Штефанюкъ остается на томъ же мѣстѣ. Онъ чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ побѣдителемъ. Къ нему присоединяется другой землякъ, высокій, въ чемаркѣ, подвязанной тканымъ поясомъ. Они разсказываютъ толпѣ совершенно баснословную исторію про „того игумена“, — баснословную съ общечеловѣческой точки зрѣнія, но въ тоже время проникнутую русскою внутреннею правдой.

— У того монастыря было мало доходу, и есть такой святой—Антоній Болящій,—то игуменъ сказалъ: „Найдемъ такого человѣка“. Приходитъ тотъ человѣкъ, и надѣваетъ на голову покрывало, бѣлую простыню или тамъ что...

— Ни, парчевую,—возражаетъ Штефанюкъ.

— Почекайте-но, куме (подождите, кумъ), я стану казать, — землякъ кладетъ руку на плечо подольскаго демагога.—Парчевое или холщевое, все едно. Говоритъ: „Я — Антоній Болящій, лечу всѣхъ... дурней“. А пика (морда) у того болящаго красная, якъ буракъ.

— То приводятъ къ нему, напримѣръ, больную женщину или дивчину, по нашему скажемъ, бѣсноватую, и онъ накрываетъ покрывало и говоритъ: „Бѣсе смрадный, велю тобі, иди прочь!“ А той бѣсъ, конечно, глупый, то не понимаетъ и не выходитъ. Тогда онъ говоритъ: „Берите два кія и бейте того бѣса о двухъ сторонъ, тогда уйдетъ“. Но бѣсъ, конечно, кричитъ, но не уходитъ. Тогда онъ приказываетъ дальше. „Возьмите этого бѣса и бросьте въ глубокую яму. Тогда стряхнется и выскочитъ“. То съ тѣмъ я согласенъ: если бросить такого человѣка въ яму, то вмѣстѣ съ бѣсомъ и душа выскочитъ.

Слушатели смѣются.

— Накачали намъ на голову святыхъ Антоніевъ,—протестуетъ Штефанюкъ,—нѣтъ на нихъ погибели: мощей, монастырей, поповъ, лихая година...

На другомъ концѣ зала второй митингъ. Группа крестьянъ нападаетъ на высокаго одутловатаго господина. Больше всѣхъ горячится тамбовскій „слѣпой Самсонъ“, юркій и неутомимый Лосевъ. Наперебой съ нимъ говорятъ еще десять крестьянъ. Въ думскомъ залѣ идетъ законодательная работа,—тамъ говорятъ господа условнымъ и кудрявымъ кадетскимъ стилемъ. Мужики-хлѣбоборы молчатъ, слушаютъ и иногда ругаются. Но въ кулуарахъ, на вольныхъ митингахъ, больше всѣхъ говорятъ одни мужики и даютъ сраженія всѣмъ желающимъ. Желающіе бываютъ разные: камергеръ, великосвѣтская дама, гвардейскій офицеръ, членъ государственнаго совѣта. Каждый день кто-нибудь изъ высокихъ посѣтителей Думы выходитъ на вольную борьбу съ мужицкими „безсмысленными мечтаніями“ и, потерявъ нѣсколько перьевъ, общипанный уходитъ прочь.

— Мы имъ рады,—говоритъ неукротимый Самсонъ,—это нашъ оселокъ. Мы о нихъ зубы точимъ, — потомъ всѣхъ слопаемъ.

Но интереснѣе другихъ этотъ одутловатый господинъ. Онъ приходитъ каждый день и все сражается. Кто онъ такой,—никому въ точности неизвѣстно. Называютъ его то Ефре-

мовъ, то Евсѣевъ, а то Егоровъ. Позавчера онъ заявилъ при всеобщемъ смѣхѣ: „Я самъ пахарь, этими руками я землю пахалъ“. Сегодня онъ говоритъ: „Я могу достать на крестьянскую нужду нѣсколько тысячъ рублей, какъ одна копейку“.

Говорятъ, онъ имѣетъ касательство къ ерогинской казенной „живопырнѣ“.

На прошлой недѣлѣ, во время запросовъ о смертной казни, этотъ таинственный живопырный выходецъ чуть не довелъ дѣло до настоящей драки.

— Если *они* бомбы бросаютъ,—заявилъ онъ прямо,—то что съ ними дѣлать: нянчиться, на каторгу посылать? Давить ихъ надо до послѣдняго.

Одинъ изъ рабочихъ депутатовъ, черный, высокій, дюжій, съ глазами на выкатѣ, страшно разсвирѣпѣлъ и сталъ дѣлать руками, такъ сказать, предварительные жесты.

— Васъ бы раздавить,—кричалъ онъ,—вы даромъ землю поганите.

Споръ сошелъ на личности, потомъ на отцовъ и даже на дѣдовъ.

— Мои дѣды благородные, — говорилъ ерогинскій „пахарь“.

— А мои дѣды твоихъ дѣдовъ хлѣбомъ кормили,—возражалъ рабочій.—Чтобъ имъ поперекъ горла стало.

Однимъ словомъ: мой дѣдушка на твоемъ дѣдушкѣ верхомъ ѣзжалъ.

Сегодня, впрочемъ, не лучше. Споръ идетъ о землѣ. Агитаторъ изъ живопырни только что заявилъ.

— Земли у мужиковъ потому мало, что они пьянствуютъ.

— А у тебя есть земля?—грубо спрашиваетъ Лосевъ.— За кого ты стараешься?

— Ты въ бѣломъ хомутѣ, — заявляетъ другой, тыкая пальцемъ въ воротничекъ противника,—а мы надѣнемъ, съ плечъ не скидаемъ, пока сама не распадется. Какой межъ нами разговоръ? .

Маленькій х[illegible]никъ, еще меньше Лосева, такъ и вьется

передъ дебелымъ ерогинцемъ. У него дѣвичье лицо, сорочка съ красной ленточкой. Онъ подскакиваетъ на носки къ самому носу благороднаго пахаря и выпѣваетъ каждое слово какимъ то особеннымъ протяжнымъ, яростнымъ и нѣжнымъ голосомъ:

— А не дадутъ намъ тую землю, то мы ждать не станемъ, сами возьмемъ, и вашу землю возьмемъ. Ось вамъ!

У него слезы на глазахъ; черный рабочій хотѣлъ драться, а этотъ юный казачій сынъ готовъ заплакать отъ злости.

Но на мой взглядъ его слезы еще страшнѣе кулаковъ. Слезы ярости, жгучія, кровавыя слезы... Прошлымъ лѣтомъ на одномъ крестьянскомъ сходбищѣ въ „Безпокойной губерніи“ я слышалъ такія же слезы въ голосѣ молодого крестьянскаго учителя.—Гдѣ выходъ?—спрашивалъ юноша.—Нѣтъ выхода...

Много ораторовъ говорило на этомъ сходбищѣ. Одинъ изъ нихъ умеръ въ больницѣ, съ головой, разбитой прикладами. Другой валяется въ нетопленной избѣ калѣкой съ перебитыми ногами, третій сидитъ въ тюрьмѣ, четвертый былъ въ бѣгахъ, теперь засѣдаетъ въ Государственной Думѣ.

Но молодой учитель выбралъ себѣ особенную судьбу. Уже больше полугода онъ вихремъ носится по своему уѣзду съ полусотней конныхъ товарищей и воздаетъ око за око и ударъ за ударъ...

Я стою въ сторонкѣ и думаю: „Боевое время, боевые споры, боевые депутаты, даже имена у нихъ боевыя: Василій Бей, Семенъ Таранъ“.

Впрочемъ, у начальства тоже пошли все боевыя имена: Дубасовъ, Зарубаевъ, Заусайловъ, Неплюевъ, и только отчасти качественныя: Дурново, Безобразовъ, Слѣпцовъ, Грязновъ.

Я стою въ сторонкѣ и думаю: „Странная, загадочная, неожиданная эпоха, неистощимая русская революція, двужильная кляча, выскочившая изъ борозды“.

Французы называютъ свою Францію, любя: дѣвица Марь-

яна. Русская революція это — черная баба Федора, велика Федора... да умница. Когда вся русская земля пошла драться съ японцами, Федора осталась въ солдаткахъ и подняла крикъ.

Послѣ того —

Отступая отъ японцевъ,
Мы напали на гапонцевъ...

Осенью Федорѣ посулили синь-кафтанъ, а зимой наколотили Федорѣ шею по первое число, ободрали ее, какъ липку, и бросили на перекресткѣ. И лежала Федора, какъ бездыханная, и всѣ казаки, проходившіе мимо, плевали на нее, пороли ее нагайками и поступали еще хуже. А теперь Федора опять на ногахъ и выкидываетъ изъ своего посконнаго рукава совсѣмъ новые фейерверки. Умница Федора, двужильная Федора, царевна замарашка!

Эта бы кобыла жеребчикомъ была;
Этой бы кобылѣ цѣны не было...

Скажи, матушка Федорушка, что будетъ дальше? Кто кому накладетъ? Кто первый почешется, кто послѣдній посмѣется? Крѣпись, Федора! Хоть морда въ крови, а наша возьметъ...

Засѣданіе кончилось, я выхожу вмѣстѣ съ мужиками. Солнце заходитъ, но еще свѣтитъ. Пріятно пройтись по свѣтлой улицѣ послѣ этихъ буйныхъ засѣданій. Впрочемъ, прогулка наша совершается не безъ остановокъ. У второго подъѣзда насъ окликаетъ огромный гайдукъ, съ усами, съ подусниками,—типъ запорожца въ петербургской ливреѣ.

— А скажить, будьте ласковы, кто зъ васъ съ Полтавы, Лубенского уѣзду?

— А хочь бы и я,—отзывается одинъ депутатъ.

— То васъ прохавъ до себе вашъ землякъ, Стефанъ Барабуля, Плуталова улица, у Большого проспекта.

— Плуталова?—смѣется депутатъ.—То я заплутаю!..

Черезъ десять шаговъ насъ окликаетъ толстый кучеръ съ высоты каретныхъ козелъ:

— Землячки, а землячки, кто изъ васъ будетъ Курской губерніи, Грайворонскаго уѣзда?

— Я, — отзывается другой депутатъ. Они подобрались, какъ нарочно. Это—единеніе Думы и народа, осуществляемое въ обиходномъ порядкѣ.

Меня не окликаютъ ни кучера, ни лакеи, и я ухожу впередъ одинъ, но на второмъ перекресткѣ и меня останавливаетъ какой-то грязный, оборванный, чуть-чуть пьяный старикъ.

Должно быть за милостыней. Я вынимаю кошелекъ, ибо человѣку, желающему выпить, по принципу подаю по крайней мѣрѣ семитку.

— Нѣтъ,—возражаетъ старикъ,—а вы разскажите, что новаго въ Думѣ?

Это явленіе послѣднихъ двухъ недѣль. Уже четвертый разъ хулиганы останавливаютъ меня на улицахъ и, вмѣсто милостыни, спрашиваютъ:

— Что новаго въ Думѣ? Что пишутъ въ газетахъ? — Даже въ декабрьской Москвѣ хулиганы не задавали такихъ вопросовъ.

— Что объ землѣ? Какъ постановила Дума?

— Дума хочетъ постановить, чтобъ на удовлетвореніе земельной нужды крестьянъ обратить земли казенныя, удѣльныя, монастырскія и частновладѣльческія.

— Спасибо, дай Богъ здоровья... А указъ написали?..

— Министры не позволяютъ,—объясняю я кратко, вспоминая Гурко и Стишинскаго.

— Барекраты... Думѣ не позволяютъ? Въ мельницу ихъ. Жерновъ на шею!.. А по-твоему, кто виноватъ?..

— Бюрократы видно,—подтверждаю я не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ.

Мой вопрошатель самаго черносотеннаго вида. Нѣтъ ли въ этомъ вопросѣ введенія къ мордобою?

— Ничего ты не понимаешь. Развѣ одни бары (онъ окончательно соединилъ баръ съ бюрократами). Бары да краты — листья да вѣтки, а ты смотри въ самый корень

власти. чиновники, это листочки, а корень... (Дальше слѣдуютъ точки)...

— Будетъ рѣзня!

Это старый хулиганъ кричитъ мнѣ вслѣдъ:

> Грязный старый буревѣстникъ,
> Черной молніи подобный.

— Будетъ большая рѣзня!

IV.

— Мѣсяцъ отсрочки, а?... И Дума согласилась: такъ тому и быть. Сколько они въ этотъ мѣсяцъ народу переуничтожатъ? Стало-быть, къ тому ведутъ, чтобъ мы ужахнулись отъ ихней лютости. А лучше бы мы имъ сдѣлали такое постановленіе, чтобы они сами ужахнулись...

Это говоритъ Лосевъ, слѣпой Самсонъ, простонародный ораторъ Думы.

Этотъ маленькій тамбовецъ положительно свирѣпствуетъ въ думскихъ кулуарахъ.

Онъ нападаетъ на противниковъ съ ревностью новообращеннаго и каждое черносотенное мнѣніе считаетъ чуть не за личную обиду. Господа умѣренные дворяне съ правыхъ скамей послѣ двухъ-трехъ ошибокъ стали замѣтно избѣгать Лосева, но ерогинскіе мужики, даже самые закоснѣлые, льнутъ къ Лосеву и слушаютъ его съ удовольствіемъ. За Лосевымъ уже есть нѣсколько подвиговъ. Это именно онъ вывелъ на свѣжую воду попытку ерогинскаго контръ-адреса,—и подъ вліяніемъ его увѣщаній одинъ изъ подписавшихъ „ужахнулся" и, въ видѣ корректива, опрокинулъ на свою подпись цѣлую склянку чернилъ.

Лосевъ политически крѣпнетъ чуть не изо-дня въ день. Даже рѣчь его стала чище и правильнѣе.

Онъ уже перестамъ смѣшивать прерогативы власти съ

медвѣжьими рогатинами и полицейскими рогатками, но зато тѣмъ болѣе утвердился въ мнѣніи, что всѣ эти вещи имѣютъ общій рогатый корень.

— Мѣсяцъ отсрочки!—взываетъ Лосевъ.—Обдумать имъ надо!.. А небось, какъ драть нашего брата—не надо обдумывать. Тинь, тинь, тинь въ телефонъ, тутъ и готово. Казаки въ линію!.. Нагайки вразъ!..

— А по вашему, что нужно сдѣлать?—спрашиваетъ низенькій господинъ въ золотыхъ очкахъ.

Дѣло идетъ о смертной казни. Въ Думѣ по этому поводу произошло раздвоеніе. Кадеты выставили резолюцію съ рѣзкимъ порицаніемъ министерству и переходомъ къ очереднымъ дѣламъ. Трудовики выставили резолюцію безъ крѣпкихъ словъ, но въ формѣ законопроекта.

Въ настоящую минуту этотъ вопросъ разбирается не только въ думской залѣ, но и на обычномъ кулуарномъ митингѣ среди толпы слушателей. Перерыва нѣтъ, но добрая половина депутатовъ бѣжала изъ зала. Тамъ говоритъ кто-то изъ скучныхъ, балтъ Теннисонъ или литовецъ Массоніусъ. Мужики прозвали перваго Тяни-въ-сонъ, второго Мотай-на-усъ.

Всѣ балты говорятъ прилично, добросовѣстно, но необычайно длинно. Особенно Теннисонъ, онъ вьетъ свои слова, какъ будто сучитъ безконечную кудель.

— По-вашему, какъ надо сдѣлать?—спрашиваетъ интеллигентъ въ очкахъ.

— Это и надо, не разговаривать, а сдѣлать: Дума постановляетъ:—„Смертной казни не быть“... И шабашъ.

— Да они не послушаютъ!..

— Мы заставимъ послушать!..—Лосевъ сжимаетъ маленькій, но крѣпкій кулакъ и потрясаетъ имъ вправо. Это типичный жестъ думскаго оратора, ибо направо отъ думской трибуны сидятъ министры или предполагаются сидящими. Вся Дума усвоила этотъ жестъ. Можно сказать, что уже цѣлый мѣсяцъ она съ утра до вечера только и дѣлаетъ, что потря-

саетъ кулакомъ вправо. — Quos ego!.. Я васъ!..—А Васька слушаетъ да ѣстъ...

— Чѣмъ вы заставите? У нихъ ружья, пулеметы; разстрѣляютъ васъ.

— Не можетъ того быть; правды не разстрѣляешь.

— Съ ними вся сила, армія, полиція, казаки.

— А съ нами Богъ!..—Лосевъ разжалъ кулакъ и поднялъ руку кверху. Онъ очень хорошъ въ эту минуту. Онъ какъ будто выросъ. Глаза его горятъ спокойнымъ огнемъ, и въ голосѣ звучитъ непоколебимое убѣжденіе.

— Богъ и мое право!—девизъ еще средневѣковый, но очень хорошій, упрямый, самоувѣренный. Одинъ этотъ девизъ есть лишній шансъ на побѣду.

Одинъ изъ слушателей крестится. Это пожилой мужикъ въ поддевкѣ, съ широкой сѣдоватой бородой.

— Другой слушатель въ пиджакѣ и воротничкѣ, напротивъ того,—презрительно фыркаетъ.

— Поговори съ ними,—замѣчаетъ онъ.—А еще соль земли. Лучшіе изъ нихъ говорятъ, какъ младенцы. Цѣлый народъ вмѣсто реальнаго расчета надѣется на какого-то Бога...

— Не бойтесь народа,—бросаетъ Лосевъ въ его сторону,—бойтесь самихъ себя.

Что это,—текстъ изъ писанія, или тонкій психологическій ударъ?

Обѣ спорящія стороны не понимаютъ другъ друга. Здѣсь два настроенія,—реальный расчетъ и вѣра, почти мистическое упованіе.

Кто правѣе? Кто былъ правъ, напримѣръ, 9-го января,—тѣ-ли, которые говорили: „Не ходите, разстрѣляютъ васъ понапрасну“, или тѣ, которые заявляли: „Не можетъ того быть, чтобы разстрѣляли правду“.... и были разстрѣляны...

Для Лосева, во всякомъ случаѣ, не существуетъ колебаній. Онъ былъ слѣпорожденный и прозрѣлъ такъ недавно, и глаза его не видятъ по сторонамъ и могутъ смотрѣть только впередъ...

Впрочемъ, интеллигентная публика тоже настроена неодинаково. Одни защищаютъ кадетовъ, другіе трудовиковъ.

* * *

— Кадетская тактика течетъ по среднему руслу жизни—по самому глубокому фарватеру.

— А я вамъ скажу, кто такіе кадеты. Нѣтъ никакихъ кадетовъ. Это эс-деки большевики и эс-эры максималисты, разведенные въ ушатѣ холодной воды...

— Не смѣйте трогать большевиковъ!

* * *

— Вы боитесь народа.

— А вы его подстрекаете къ эксцессамъ.

— Такъ и правительство говоритъ...

* * *

— Дворянъ тоже не надо обижать.

— Кто ихъ обидитъ? Они сами всякаго обидятъ.

* * *

— Намъ, полякамъ, нужна автономія, а не земля.

— То якимъ полякамъ, панамъ чи хлопамъ?

— А намъ мужики пишутъ изъ Сѣдлецкой губерніи: —„насъ кормитъ земля, а не автономія".

— А намъ нужно и землю и автономію.

* * *

— Правительство никогда не давалъ.

— Бѣдный народъ зачѣмъ постоянно мучалъ?

Татаринъ въ халатѣ и тютебейкѣ. Онъ говоритъ по-русски плохо, но весь заряженъ тѣмъ же электричествомъ, что и его русскіе товарищи.

— Я былъ кадетамъ, теперь поневолѣ ушелъ, —мягко разговаривали. Правительство никогда не давалъ. Пойдемъ трудовикамъ.

* * *

Опять большая мужицкая группа. Тамъ тоже идетъ крупный разговоръ. Кто тамъ сражается? Господи, это тотъ же неукротимый Лосевъ. Впрочемъ, онъ не сражается, а только защищается.

На него наскакиваетъ пѣтухомъ бѣлокурый мужикъ съ довольно непріятнымъ лицомъ, въ черномъ кафтанѣ и высокихъ сапогахъ.

— По какому такому праву ты писалъ домой?—кричитъ бѣлокурый.

— Не по праву, а по бумагѣ,—возражаетъ Лосевъ съ кроткой и хитрой усмѣшкой.

— Можешь-ли ты говорить, что я за ерогинцевъ подписку далъ противъ народнаго интересу?—горячится бѣло курый.

— Могу,—безстрашно отвѣчаетъ Лосевъ.—Ты на чьей квартирѣ живешь? Чей хлѣбъ кушаю, того и правду слушаю.

— Нѣтъ, ты видалъ, какъ я подписалъ? Ты докажи официально. Я тебя отучу!..

— Не грози, братъ, съ угрозы человѣкъ сохнетъ. Еще напугаешь меня...

Лосевъ смотритъ насмѣшливо, спокойно и ядовито. Бѣлокурый пѣтухъ внезапно осѣкся.

— Напугаешь тебя, обидчика,—говоритъ онъ упавшимъ тономъ.

— Вы то хотите сдѣлать, чтобы намъ въ деревню нельзя было показаться,—вскипаетъ онъ опять.—А еще землякъ.

— Ты землякъ, а правда еще больше землячка.

Это не Самсонъ, это Іисусъ, сынъ Сираховъ. Мудрость его неистощима.

Динь! динь! динь! Приставъ звонитъ въ колокольчикъ. „Тяни-въ-сонъ“ кончилъ. Можно возвращаться назадъ въ думскую залу.

V.

Сегодня въ Думѣ былъ двойной комплектъ мужиковъ: крестьянскіе депутаты и крестьянскіе делегаты со съѣзда въ Гельсингфорсѣ. Несмотря на всѣ строгости, которыя снова завелись у входа, делегаты все-таки пробрались внутрь. Воронежскій делегатъ, въ лаптяхъ и дерюгѣ, прошелъ въ Думу даже безъ билета. Видъ у него былъ до того свирѣпый, а шагъ твердый и самоувѣренный, что пристава не рѣшились его задержать. Прошелъ волостной старшина Симбирской губерніи изъ огромнаго десятитысячнаго села. Полиція раза четыре пробовала его арестовывать, но крестьяне все не давали и грозили кольями. Не желая рисковать кровопролитіемъ и собственными боками, полиція плюнула и отступилась. Такимъ образомъ, крамольный старшина сохранилъ неприкосновенность личности и даже свободу слова и собраній. Вмѣстѣ съ нимъ прошелъ молодой крестьянинъ, кудрявый, со свѣтлымъ лицомъ. Все въ немъ было типичное: руки въ мозоляхъ, мѣткія словечки и каждая складка и повадка добраго и простого мужицкаго сына. Однако, это былъ не мужицкій сынъ, а дворянинъ, бѣглый студентъ, бродячій агитаторъ, Федоровъ или Петровъ, или — еще не знаю какъ, по паспорту. Ибо крестьяне теперь не только укрываютъ агитаторовъ, но даже выписываютъ ихъ изъ большихъ городовъ и перевозятъ изъ веси въ весь на обывательскихъ подводахъ.

Пришелъ въ Думу Гурьичъ, вятскій проповѣдникъ, самородокъ-соціалистъ, пламенный, хмурый и немножко фанатичный. Гурьичу не надо ни одежды, ни ѣды,—ничего кромѣ посоха. Онъ ходитъ пѣшкомъ изъ деревни въ деревню и проповѣдуетъ новое слово: учредительное собраніе по четырехчленной формулѣ, землю и волю и прочіе элементы крестьянскаго рая на землѣ. Спорить съ Гурьичемъ трудно. Онъ стремителенъ, рѣчистъ и заучилъ свои формулы назубокъ, не хуже любого безпоповскаго начетчика. Раньше

такіе люди уходили въ расколъ. Теперь цѣликомъ уходятъ въ новую вѣру и даже прямо въ эсъ-эрство.

Пришелъ мордвинъ изъ Самары, татарскій староста изъ Курмышскаго уѣзда, бѣглый учитель изъ Пензы и иные прочіе. Крестьянскіе делегаты, ни мало не медля, завели въ Думѣ смуту. У каждаго въ карманѣ было по общественному приговору. Рязанцы вызвали рязанскаго депутата, князя Волконскаго, и стали требовать, чтобы онъ произвелъ равненіе налѣво и вступилъ въ трудовую группу. Два московскихъ учителя выразили московскому волостному старшинѣ Ильину, толстому, съ пушистой черной бородой (у богатаго мужика борода лопатою) недовѣріе отъ имени двухъ волостныхъ сходовъ и пообѣщали еще болѣе того.

Съ приходомъ крестьянскихъ делегатовъ Дума еще болѣе стала походить на крестьянскій союзъ. Впрочемъ, въ сущности Дума есть ни что иное, какъ огромный крестьянскій союзъ, смѣшанный съ земскимъ съѣздомъ и для остроты приправленный дюжиной „правыхъ“ дворянъ и дюжиной ерогинскихъ крестьянъ. Безъ правыхъ въ Думѣ было-бы скучно. Не съ кѣмъ было-бы спорить, и въ промежуткахъ между визитами г. Столыпина и компаніи пришлось-бы грызться между собою.

Разница отъ крестьянскаго союза въ томъ, что вмѣсто стараго сарая, Дума засѣдаетъ во дворцѣ, и члены ея получаютъ на предметъ разведенія крамолы по десяти рублей въ день.

Какъ-бы то ни было, въ кулуарахъ Думы сегодня было очень шумно. Въ залѣ засѣданій не было никакого особаго дѣла. Министровъ не было, и ругать было некого. Тамъ разговаривали кадеты пространно и краснорѣчиво на тему о томъ, „чего мы не допустимъ, когда у насъ будетъ власть“. Съ ними сражались кавказскіе и русскіе соціалъ-демократы, но никто ихъ не слушалъ. Въ то же самое время въ овальномъ залѣ шли сразу четыре митинга, по митингу въ каждомъ углу. Всѣ вопросы двухъ послѣднихъ недѣль перебирались тутъ заново.

На самомъ людномъ митингѣ вопросъ шелъ, какъ и слѣдовало, о землѣ.

— Не надѣйтесь,—сердито доказывалъ обычный черносотенный ораторъ, изъ думскихъ чиновниковъ, — не хватитъ вамъ земли. Генерала Гурки сынокъ въ самой Думѣ говорилъ: „Ежели и всю раздать по четыре десятины на душу не придетъ". Развѣ на лунѣ искать или на небесахъ!..

— Экій у васъ разумъ хитрый,—возражалъ высокій нижегородецъ. — Ежели не хватитъ въ полнотѣ, значитъ, и ничего не давать. Вотъ васъ было-бы голодныхъ человѣкъ пять или шесть. А я бы пришелъ къ вамъ и сказалъ: „Есть у меня хлѣба въ сумкѣ, да малъ кусокъ. На каждаго по ломтю не придетъ. Лучше я не дамъ ничего, а съѣмъ-ка его самъ". Вы бы, небось, драться стали!..

— Больше той земли, какая есть, мужикъ не требуетъ,—громко и сердито заговорилъ Гурьичъ, непріязненно взглядывая на чиновника изъ-подъ своихъ насупленныхъ бровей. —Ты чего голову морочишь? Мы на лунѣ надѣла не ищемъ, а въ матушкѣ Россіи, сколько кому-бы не пришлось.

— На небесахъ попы сулятъ,—насмѣшливо вставилъ малоросъ изъ Херсона съ широкимъ лицомъ, темнымъ какъ ржаная лепешка.

— А мужики здѣсь заберутъ.

— Заберутъ, да станутъ дѣлить и между собой перержутся,—возразилъ молодой лицеистъ въ новенькомъ мундирѣ и даже со шпагой, одинъ изъ тѣхъ, которые получаютъ пропускъ въ Думу помимо президіума. Сіятельный отпрыскъ старался говорить по простонародному, примѣнительно къ пониманію своихъ слушателей — мужиковъ. И мужики поняли.

— Ваше высокородіе, — вступился какой-то сѣденькій язвительный старичекъ,—вы ужъ объ насъ не печальтесь, ради Христа!..

Старичекъ даже снялъ шапку и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Вы только дайте намъ землю, а ужъ мы ее такъ раздѣлимъ, что любо-два. Сами не нарадуетесь.

Публика смѣялась.

— А вы объ небесахъ не такъ говорите, — вмѣшался другой старичекъ, — по нашему, небо и звѣзды даны Богу, а воды и земли человѣку, и какъ Богъ владѣетъ небеснымъ царствомъ, такъ человѣкъ долженъ владѣть царствомъ земнымъ...

Рядомъ говорили объ аграрной комиссіи. Неукротимый Лосевъ возмущался ея составомъ.

— Откуда столько правыхъ,—сердито спрашивалъ онъ,— поляки, октябристы, кто за нихъ голоса подавалъ? Въ этой комиссіи наша Дума наизнанку выворотилась. Здѣсь она лицомъ на-показъ, а такъ, прости Господи, задомъ напередъ. Сиияла наша комиссія. Сидитъ, слезки утираетъ.

Обвиненія эти были отчасти преувеличены. Но вѣрно въ нихъ было то, что аграрная комиссія оказалась, неизвѣстно какимъ образомъ, правѣе самой Думы по своему составу.

* * *

— Опять намъ накладутъ.

— Кому намъ, всему народу?..

— Ну, да, всему народу.

— Нѣтъ, врешь, міръ — золотая гора, все вынесетъ, неправду не вынесетъ.

— Накладутъ намъ по шеѣ.

— Да у насъ на шеѣ мозоли выросли, прикладомъ набиты. Мы привыкли.

VI. Аладьинъ.

Мнѣ пришлось видѣть Аладьина въ дѣлѣ первый разъ у дверей крестьянскаго клуба, дней за десять до открытія Государственной Думы. Клубъ этотъ былъ основанъ наскоро, подъ давленіемъ обстоятельствъ. Сознательные крестьяне

съѣзжались туго, а тутъ Ерогинъ вызвалъ черезъ губернаторовъ цѣлое стадо такъ-называемыхъ безпартійныхъ. Пришлось соединиться первымъ тремъ пріѣхавшимъ лѣваго направленія для того, чтобы составить новый центръ притяженія.

Въ этой первой тройкѣ были: Аладьинъ, Онипко и Шапошниковъ. Дѣло, однако, быстро пошло впередъ. На другой день послѣ объявленія въ газетахъ было восемь человѣкъ, на третій день утромъ—уже двѣнадцать. Въ полдень пришелъ Заболотный въ черномъ сюртукѣ и съ вѣчно-улыбающимся лицомъ и привелъ съ собой дюжину подольскихъ „дядьковъ", въ чоботахъ и свиткахъ. Они вошли гуськомъ другъ за другомъ, и въ клубѣ сразу стало шумно и людно.

Подольцы пришли изъ ерогинской квартиры и сообщили, что тамъ собралось еще человѣкъ тридцать. Члены клуба стали соображать, какъ бы ихъ выудить изъ казенной живопырни. Имъ, однако, не пришлось ничего предпринять. Минутъ черезъ двадцать пришли два ерогинца въ видѣ развѣдчиковъ, понюхали по сторонамъ, убѣдились, что пахнетъ мужикомъ и что подвоха никакого нѣтъ, и тотчасъ же удалились.

Почти слѣдомъ явилась новая дюжина. Они, очевидно, дожидались внизу на тротуарѣ или на ближайшемъ углу и теперь явились въ клубъ.

Еще черезъ полчаса раздался новый звонокъ. Мальчикъ, открывшій дверь, въ испугѣ сообщилъ, что пришелъ околоточный и привелъ съ собою мужиковъ. Это, однако, былъ не околоточный, а Ерогинъ. Господинъ Ерогинъ былъ высокій мужчина, дюжій, съ небритыми щеками, крупными чертами лица, глазами навыкатъ, настоящій ташкентецъ, въ мундирѣ земскаго начальника, очень похожемъ на полицейскій. Вмѣстѣ съ нимъ пришло человѣкъ двадцать крестьянскихъ депутатовъ. Нужно было ихъ впустить внутрь, а Ерогина отправить во-свояси. Задачу эту принялъ на себя Аладьинъ.

Это была поразительная картина. Какъ только дверь открылась во второй разъ, мужики поперли внутрь, какъ кони въ загонъ. Ерогинъ попробовалъ замѣшаться въ толпу, но Аладьинъ загородилъ ему дорогу. Тогда начальникъ жи-

вопырии попытался удержать за полу ближайшаго мужика въ видѣ нагляднаго доказательства своей власти. Но мужикъ оттолкнулъ его локтемъ и вошелъ за другими. Живопырия кончилась. Этотъ безцеремонный толчекъ развалилъ ее на части. Дверь заперлась. Аладьинъ и Ерогинъ остались на площадкѣ.

Оба они были приблизительно одинаковаго роста, съ толстыми головами, большими ушами и широкими лицами. Ерогинъ былъ въ мундирѣ, Аладьинъ—въ странной желтой курткѣ. На всякій случай онъ вынесъ съ собой еще желтыя перчатки. Эти перчатки были потомъ свидѣтелями многихъ непріятныхъ объясненій, ибо Аладьинъ, отправляясь съ щекотливой миссіей, бралъ ихъ съ собой, какъ свидѣтельство своего англійскаго воспитанія.

Лицо Аладьина имѣло деревянное выраженіе. Онъ цѣдилъ слова въ полъоборота, изъ лѣваго угла рта, какъ это дѣлаютъ самые чистокровные британцы.

— Я хочу войти,—настаивалъ Ерогинъ.

— Здѣсь собираются только крестьяне,—сказалъ Аладьинъ спокойно, презрительно и въ носъ.

— Я тоже крестьянинъ,—заявилъ Ерогинъ съ великолѣпнымъ апломбомъ.

Аладьинъ слегка поклонился и указалъ глазами на желтыя пуговицы ерогинскаго мундира.

Ерогинъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь:

— Я двадцать лѣтъ работалъ на пользу крестьянъ. Я все равно крестьянинъ, я крестьянскій благодѣтель. Я хочу войти.

Но легче было поколебать каменную стѣну, чѣмъ Аладьина...

Въ Думѣ Аладьинъ заговорилъ съ первыхъ же дней и сразу привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Тонъ его звучалъ особенно вѣско.

— Я, представитель народа, говорю вамъ здѣсь, въ Государственной Думѣ...

Послѣднее слово Аладьинъ всегда произноситъ съ большой буквы и съ очень протянутымъ „у“.

Черезъ недѣлю Аладьинъ уже возбудилъ своими дерзкими рѣчами сильный гнѣвъ однихъ и сочувствіе другихъ. Такъ называемыя „сферы“ не щадили по его адресу крѣпкихъ эпитетовъ, свойственныхъ „вахмистрамъ по ообразованію и погромщикамъ по убѣжденію“. „Низы“ говорили: „Молодецъ. Малый—съ огнемъ, человѣкъ съ темпераментомъ“.

Аладьинъ помѣстился на 8-й Рождественской, въ квартирѣ Скитальца. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ посѣщать его жилище. Какъ и другіе выдающіеся депутаты трудовой группы, Аладьинъ работаетъ съ утра до вечера, двѣнадцать часовъ въ сутки. Трудовиковъ, какъ извѣстно, больше сотни. Все это хорошіе, безстрашные, надежные люди. Но я сказалъ бы, что это воины третьяго призыва. Бойцы перваго призыва попали въ тюрьму или прямо на тотъ свѣтъ. Второй призывъ бойкотировалъ. Въ Думу попали ратники ополченія. Поэтому каждому, болѣе способному, приходится работать за десятерыхъ. Думскія засѣданія, коммиссіи; засѣданія группы, групповыя коммиссіи, групповой комитетъ; подготовительная и организаціонная работа, сотни посѣтителей, десятки депутацій, ходоки, делегаты, огромная переписка, приговоры, телеграммы. Секретаря нанять не на что. Каждаго человѣка надо принять лично, на каждое письмо надо писать отвѣтъ.

Нѣкоторые совсѣмъ замотались. Аникинъ иногда къ вечеру ходитъ, какъ тѣнь, и будто даже шатается. Жилкинъ сталъ глухъ и невнимателенъ, какъ сомнамбула. Аладьинъ держится крѣпче, благодаря своему англизированному настроенію и прочному симбирскому здоровью.

Притомъ же страна предъявляетъ къ трудовикамъ больше вниманія и претензій. Ихъ теребятъ за полы письменно и лично. Общее число приговоровъ и обращеній, вѣроятно, перевалило за тысячу, и потокъ все растетъ.

Кадетовъ сравнительно оставляютъ въ покоѣ. Ихъ работа преимущественно заключается въ томъ, что они соби-

раются каждый вечеръ въ клубѣ на Сергіевской и обсуждають сообща очередной стратегическій или дипломатическій шагъ на ближайшее утро.

Трудовикамъ некогда думать о дипломатіи. Они рубятъ напрямикъ по крестьянской простотѣ. Работать же имъ приходится и вмѣстѣ, и въ одиночку.

Я зашелъ къ Аладьину послѣ Думы, въ половинѣ девятаго вечера. Онъ только что обругалъ министровъ и не успѣлъ даже переодѣться. Дома его ожидали два репортера, трое татарскихъ старостъ и два русскихъ ходока изъ Симбирской губерніи.

Потомъ явились два делегата съ Семянниковскаго завода, студентъ, просившій билетъ на суботній докладъ Аладьина въ соціально-политическомъ клубѣ. Аладьинъ сдѣлалъ большіе глаза,—онъ не имѣлъ понятія о докладѣ. Какой-то подозрительный субъектъ, хулиганъ или соглядатай, пришелъ съ письменной просьбой о денежномъ пособіи. Въ карманѣ у народнаго представителя было три рубля съ мелочью.

Часы пробили десять.

— Довольно,—сказалъ Аладьинъ,—а то я лягу и помру. Поѣдемъ къ Лѣтнему саду на поплавокъ, выпьемъ пива, поглядимъ на воду...

Минутъ черезъ двадцать мы сидѣли за столикомъ и смотрѣли на рѣку. Съ рѣки дулъ вѣтеръ и бросалъ намъ брызги въ лицо. Если бы не бѣлая ночь, можно было бы подумать, что уже прошло лѣто и начались октябрьскія бури.

— Я родился въ 1873 году,—разсказывалъ Аладьинъ,—въ селѣ Новиковкѣ, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи. Отецъ велъ хозяйство на арендованной землѣ. Жили зажиточно. Потомъ отецъ разорился и остался съ одними часами въ карманѣ и двумя ребятами. Переѣхалъ въ Симбирскъ, сталъ работать землемѣромъ. Я учился въ народномъ училищѣ, потомъ въ гимназіи. Изъ восьмого класса, какъ водится, высадили „за отрицательное направленіе". Удалось держать экстерномъ, поступилъ въ казанскій уни-

верситетъ на медицинскій факультетъ, потомъ перешелъ на естественный. Жилъ уроками, зарабатывалъ довольно порядочно. Смолоду любилъ хорошо одѣваться, завелъ шипель на бѣлой подкладкѣ и желтыя перчатки.

Мы оба засмѣялись. Перчатки, очевидно, еще предшествовали Англіи.

— Но по вечерамъ сталъ ходить въ предмѣстья, знакомиться съ рабочими; занимался въ кружкахъ. Въ 1896 г. арестовали, продержали въ тюрьмѣ девять мѣсяцевъ, выпустили подъ залогъ въ 600 р. и послали въ Симбирскъ. Скоро узналъ, что мнѣ предстоитъ ссылка въ Архангельскъ,нѣтъ на шесть или на восемь. Предпочелъ уѣхать за границу.

— Попалъ въ Бельгію, голодалъ въ Льежѣ и Брюсселѣ, потомъ перебрался въ Парижъ. Научился языку и водился больше съ французами. Одно время жили втроемъ: скульпторъ, философъ и я. Скульпторъ былъ бретонецъ, философъ—бургундецъ, онъ только что окончилъ факультетъ и тратилъ послѣдніе гроши на покупку книгъ. Онъ былъ анархистъ и безбожникъ. Но, между прочимъ, заставилъ меня прочесть латинскую библію, желая познакомить русскаго варвара съ красотами Вульгаты. Для того, чтобы добиться этой цѣли, онъ объявилъ мнѣ „неговореніе" и соглашался разговаривать со мной только послѣ того, какъ я прочту три страницы текста.

— Жить было нечѣмъ; мы наняли старый сарай, взяли ученика и открыли мастерскую для производства поддѣльныхъ антиковъ. Философъ и я по очереди ходили въ библіотеку Святой Женевьевы и выискивали старинные эстампы мѣдныхъ и серебряныхъ статуэтокъ. Эстампы эти мы срисовывали и приносили скульптору. Общими усиліями сооружали гипсовую модель, причемъ мы съ философомъ дѣйствовали за чернорабочихъ. Потомъ посылали мальчика съ моделью по магазинамъ. Если модель правилась, мы получали мѣдь или серебро для отливки и сотню франковъ. По преимуществу мы поставляли свои издѣлія въ католическіе магазины,

которые снабжаютъ религіозными антиками провинціальныхъ вѣрующихъ.

— Къ осени заказы изсякли, въ сараѣ работать было слишкомъ холодно. Мы остались на мели. Я собирался уѣхать въ Америку, даже взялъ билетъ, но получилъ приглашеніе въ Бельгію, въ Шарлеруа на заводъ электрическаго монтажа. Продалъ билетъ за полцѣны, уѣхалъ въ Шарлеруа и проработалъ на заводѣ три года. Первоначально я, разумѣется, не имѣлъ объ электричествѣ никакого понятія, кромѣ гимназическаго курса, но потомъ обошелся, работалъ техникомъ и простымъ монтеромъ, иногда занимался для завода компиляціями научныхъ статей на иностранныхъ языкахъ. Статьи были ученыя съ дифференціалами, о которыхъ мои патроны имѣли мало понятія, а я еще меньше, и до сихъ поръ не имѣю. Все-таки я переводилъ и о дифференціалахъ, стараясь слѣдовать общему направленію мысли автора.

— Бельгія—страна тѣсная. Черезъ три года стало тоскливо, рѣшилъ перебраться въ Англію, выписалъ двѣ газеты, англійскую и американскую, для того, чтобы лучше подучиться языку; потомъ переѣхалъ въ Лондонъ. Сначала бѣдствовалъ, потомъ сталъ присматриваться къ жизни, завелъ нѣсколько знакомствъ и черезъ одно бюро получилъ уроки—обучать русскому языку офицеровъ индійской арміи.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что депутатъ Аладьинъ большой поклонникъ англійской гимнастики и гигіены и даже въ свободныя минуты переводитъ на русскій языкъ какое-то практическое руководство о „гармоніи движеній" въ боксѣ.

Я перевелъ разговоръ на другую почву.

— Разскажите, какъ вы попали въ Россію?

— Это было послѣ 9-го января,—объяснилъ Аладьинъ.— Лондонскія уличныя газеты стали нападать на Россію и поносить ее. Во мнѣ проснулось патріотическое чувство. Захотѣлось уѣхать домой и принять участіе въ событіяхъ, бороться по мѣрѣ силъ противъ того, за что насъ ругаютъ. Нужно было достать нелегальный паспортъ. Въ ожиданіи я

занимался съ русскими рабочими. Ихъ въ восточномъ Лондонѣ много тысячъ. Я читалъ имъ лекціи на политическія и соціальныя темы.

— Между тѣмъ русскія событія развивались. Произошла октябрьская забастовка, и явился извѣстный манифестъ. Я покинулъ Лондонъ и черезъ Финляндію пріѣхалъ въ Петербургъ. Это было уже 3-го декабря. Я нырнулъ съ головой въ забастовку, говорилъ рѣчи на заводахъ, занимался агитаціей.

— Когда реакція обострилась, мнѣ пришлось скрываться. Потомъ я покинулъ Петербургъ и уѣхалъ въ Симбирскъ къ роднымъ.

— Для чего собственно?—спросилъ я полушутя,—спасаться или агитировать?

— Видите ли,—сказалъ Аладьинъ самымъ простымъ тономъ,—я былъ членомъ боевой дружины. Намѣреваясь продолжать свою карьеру въ этомъ направленіи, я хотѣлъ попрощаться съ родными. Полагалъ, что скоро кончу свое земное существованіе.

— Но черезъ недѣлю пришли мои односельчане и сказали: „Ты нашъ человѣкъ, послужи міру!" Я попросилъ 24 часа на размышленіе, а они пошли просить моихъ родныхъ.

— Съ самаго объявленія выборовъ я былъ рѣзкимъ противникомъ бойкота и считалъ такую тактику крупной ошибкой лѣвыхъ организованныхъ партій. Въ частности, относительно крестьянъ я думалъ, что, вступая въ политическую жизнь, они найдутъ идеологовъ и вождей въ своей собственной средѣ.

— На другой день я принялъ предложеніе крестьянъ. Мы образовали блокъ съ кадетами и составили избирательный комитетъ изъ пяти членовъ; всѣ они потомъ прошли въ Государственную Думу. Послѣдующіе факты вы знаете.

— Скажите, Аладьинъ, откуда ваша смѣлость, или точнѣе сказать, качество, которое по вашему собственному опредѣленію начинается съ другой буквы, выше по алфавиту?

Аладьинъ замялся.

— Я не настаиваю на отвѣтѣ,—поспѣшилъ я прибавить.— Подсудимый имѣетъ право не отвѣчать на всѣ вопросы, которые могутъ причинить ущербъ его интересамъ.

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ Аладьинъ.—Я думалъ о томъ, что вамъ отвѣтить. Могу сказать такъ: еще въ школѣ я близко встрѣчался съ дѣтьми князей и аристократовъ и воочію убѣдился, съ какой бездной презрѣнія они относятся ко всѣмъ тѣмъ, кого причисляютъ къ низшимъ сословіямъ, даже къ тѣмъ людямъ, кто выше и лучше ихъ самихъ.

— Потомъ я выросъ и увидѣлъ Божій міръ, какъ онъ хорошъ, и широкъ, и увлекателенъ. Но жить мнѣ было трудно. Я долженъ былъ вѣчно бороться за свое существованіе, исполнять работу противъ своего желанія и выбора, спасать свою свободу бѣгствомъ, какъ полевой заяцъ.

— Ненависть отложилась во мнѣ. Я имъ плачу той же самой монетой: презрѣніемъ и непримиримой враждой.

— Еще болѣе рѣзкимъ и желчнымъ я являюсь предъ низкимъ уровнемъ пониманія толпы. Въ обоихъ случаяхъ, подъ вліяніемъ настроенія, забываю о томъ, что можетъ ждать меня. Вижу того же звѣря, котораго надо укротить. Перваго звѣря желаю добить и уничтожить, второго поднять и сдѣлать сознательнымъ...

Дѣйствительно, вопреки мнѣнію многихъ, Аладьинъ, при всей своей рѣзкости отнюдь не является въ своихъ рѣчахъ угодникомъ толпы. Въ Думѣ, особенно вначалѣ, Аладьинъ часто вступалъ въ конфликтъ съ настроеніемъ большинства и только въ послѣднее время онъ научился нѣсколько сдерживать свой темпераментъ. На митингахъ тоже не обходилось безъ безъ столкновеній. Такъ, на митингѣ въ Теріокахъ Аладьинъ въ отвѣтъ на упреки въ пассивности и малой революціонности Думы заявилъ:—Когда вы будете революціоннымъ народомъ, тогда мы будемъ революціонною думой. За нами дѣло не станетъ.

— Что движетъ вами въ политической борьбѣ?

— Мной движетъ радость битвы,—сказалъ Аладьинъ съ убѣжденіемъ.—Драться пріятно. Еще пріятнѣе подготовить

ударъ и встать насторожѣ въ ожиданіи сигнала. Меня всегда привлекала сила, обладающая собой. Другой не знаю.

— Впрочемъ, на политической аренѣ я дѣйствую полуинстинктивно. Вдругъ предъ глазами является картина. Анализировать не стремлюсь, спѣшу дѣйствовать.

Я смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Какъ быстро въ наше время человѣкъ, взнесенный на гребнѣ волны, становится героемъ, и складки его доспѣховъ изъ крашенаго картона чудесно превращаются въ бронзу.

— Скажите, у васъ есть свои мысли объ ораторскомъ искусствѣ?

— Конечно, есть. Ораторы бываютъ двухъ сортовъ: ораторы-адвокаты и ораторы-трибуны. Ораторъ-адвокатъ создаетъ свои эффекты безъ взаимодѣйствія съ внѣшними фактами и настроеніемъ массъ. Поэтому эффекты его неглубокіе, хотя, быть можетъ, красивые по формѣ, эффекты словесной любви и негодованія. За такимъ ораторомъ толпа не пойдетъ умирать, да онъ и не поведетъ ее.

— Ораторъ-трибунъ нарождается и развивается вмѣстѣ съ настроеніемъ народа. Быть можетъ, онъ всю жизнь проживетъ и будетъ молчать, но въ нужное время заговоритъ и задѣнетъ за самыя глубокія струны и поведетъ безоружныхъ на заряженныя пушки и, что еще больше, заставитъ ихъ взять эти пушки своими голыми руками.

— Думскіе ораторы всѣ типа адвокатовъ. Для трибуновъ еще не наступилъ чередъ, но, быть можетъ, онъ наступитъ потомъ, въ минуту опасности.

— А вы лично не боитесь опасности?

Аладьинъ снова пожалъ плечами.

— Во всякомъ случаѣ не больше другихъ. У насъ, въ трудовой группѣ, много безстрашныхъ людей. Да и чего бояться? Минувшая опасность уже не существуетъ, грядущая еще не наступила. Пусть навстрѣчу мчится пьяная тройка, и лошади закусили удила, и на дорогѣ темно! Пройдетъ ли дышло на два дюйма отъ головы или на двѣ сажени—не все ли равно, лишь бы прошло мимо...

— Врага изъ темноты тоже не хочу бояться. Пусть лучше онъ боится меня. Я хорошо вооруженъ. Оружіемъ владѣю съ дѣтства.

Онъ вынулъ изъ кармана и показалъ мнѣ полированную ручку большого „Смита и Вессона".

— На этотъ револьверъ могу положиться, держу всегда подъ рукой и считаю, что мой долгъ исполненъ.

Въ лицѣ его мелькнуло что-то злое.

Я перевелъ разговоръ на тему о конфликтѣ.

— Что вы думаете о правительствѣ?

— Въ правительствѣ нѣтъ ни одного талантливаго и сильнаго человѣка. Мало того: у этихъ людей уже возникла безсознательная идея, что они проиграли безвозвратно. Это, конечно, не мѣшаетъ имъ подбадривать самихъ себя и проливать кровь, и дѣлать сотню другихъ глупостей.

— Системы у нихъ нѣтъ. Машина расползлась. Во всѣхъ дѣйствіяхъ хаосъ. Кто во что гораздъ. Напримѣръ, бѣлостокскій погромъ. Я убѣжденъ, что это мѣстное производство. Для общаго плана они слишкомъ измельчали.

— Говорятъ о Звѣздной Палатѣ. Я въ нее не вѣрю. Они плетутся со дня на день. Нѣтъ никакой грозной и тайной палаты, а есть кучка стариковъ, жестокихъ, жалкихъ, глупыхъ и незнающихъ, что дѣлать.

— А какъ по-вашему, что будетъ съ Думой?

— Будетъ въ концѣ-концовъ реальная проба силъ; нѣкоторые изъ насъ будутъ изъяты изъ обращенія тѣмъ или инымъ способомъ, другіе будутъ съ народомъ. Вѣроятно этимъ и кончится. Разумѣется, въ виду расшатанности власти вполнѣ возможно, чтобы какой-нибудь сумасшедшій человѣкъ со сборной командой перерѣзалъ большинство Думы. Не потому, чтобы правительство особенно желало этого, а просто въ силу анархіи.

— Но если ничего такого не будетъ,—правительство сдастся, мы раскрѣпостимъ страну и уступимъ мѣсто другому, болѣе правильному собранію.

— Значитъ, вы надѣетесь на побѣду во всякомъ случаѣ

— Разумѣется. Съ Думой или безъ Думы. Это послѣдняя схватка новаго и стараго. Побѣдитъ новое. Нельзя раскачать народъ и остановить его. У меня нѣтъ сомнѣній.

— А что будетъ потомъ?

— Потомъ будемъ перестраивать жизнь. Въ долгую анархію я не вѣрю. Слишкомъ велики творческія силы народа.

Новая Россія шла на смѣну старой. Ея рука, только оставившая плугъ, готова была подхватить руль кормчаго, вѣсы правосудія и мечъ защиты.

Крѣпкая, стомилліонная, мужицкая Русь!

VII. Аникинъ.

Я встрѣтилъ Аникина впервые на петровскомъ крестьянскомъ съѣздѣ въ Саратовской губерніи. Онъ говорилъ седьмымъ или восьмымъ, короткими образными фразами, которыя падали, какъ удары молота.

— Когда я былъ мальчикомъ, думалъ учиться. Кругомъ меня было болото. Я сказалъ себѣ: „Уѣду отсюда", но не вышло по-моему. И я сказалъ себѣ: „Болото стало меня засасывать. Я останусь въ этой тинѣ и сглажусь"... Но въ пятнадцать лѣтъ люди перемѣнились. Весной пахнуло на нихъ. Тысячи людей просыпаются отъ шелеста вѣтра. Мы дадимъ возможность этому новому народу выйти изъ желѣзныхъ рамокъ. Пусть петровское земство будетъ повивальной бабкой нашего новаго крестьянскаго союза.

Меня поразило его лицо, темное, понурое, но съ выраженіемъ силы въ рѣзко очерченныхъ, неправильныхъ чертахъ.

— Отчего у него такое лицо?—спросилъ я своего сосѣда, губернскаго агронома, съ которымъ мы вмѣстѣ пріѣхали на съѣздъ.

— Оттого, что онъ мордвинъ.

На съѣздѣ было нѣсколько мордовскихъ делегатовъ, и рѣчи ихъ отличались той же суровой выразительностью. Южная мордва вообще сильно отличается отъ сѣверной. Она

составилась изъ разбойничьихъ шаекъ и бродячей вольницы, осѣвшихъ потомъ на мѣстѣ, и до сихъ поръ обладаетъ безпокойнымъ духомъ.

— Мордва выдумчива,—говорятъ про нее русскіе сосѣди, и даже грамотность этой мордвы выше нормальнаго уровня русской деревни.

Аникинъ участвовалъ въ составленіи резолюціи петровскаго съѣзда.

Она написана такимъ же сильнымъ, отрывистымъ и образнымъ языкомъ.

— Начальства надъ нами столько, что мы не знаемъ подчасъ, кого больше бояться. Всѣ начальники кричатъ, ругаются, грозятъ тюрьмой и воинской силой. Законъ у нихъ одинъ: палка. Въ обращеніи къ намъ у нихъ имѣется только одно ласковое слово: дай!..

Послѣ того я встрѣчалъ Аникина на разныхъ крестьянскихъ сходахъ и собраніяхъ. Онъ вездѣ выдавался и видимо пользовался прочнымъ вліяніемъ на крестьянъ.

Жилъ въ то время онъ очень бѣдно. Съ учительскаго мѣста его согнали. Онъ существовалъ небольшимъ сельскимъ хозяйствомъ и пчельникомъ. И съ одного конца уѣзда на другой, съ собранія на собраніе, онъ переходилъ по лѣтней жарѣ пѣшкомъ.

Мѣсяца черезъ три, въ самый разгаръ „свободъ", я встрѣтилъ Аникина въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ по дѣламъ учительскаго союза и задержался въ струяхъ московскаго движенія. Напечаталъ очеркъ въ журналѣ, вступилъ въ отношенія къ одному народному книгоиздательству...

Въ декабрѣ реакціонная волна вынесла его изъ столицы и унесла обратно въ Саратовъ. Спасаясь отъ ареста, Аникинъ нырнулъ въ крестьянскую жизнь, какъ рыба въ воду, и исчезъ изъ поля зрѣнія почти на цѣлые полгода.

Саратовская губернія въ политическомъ развитіи идетъ впереди всей крестьянской Россіи. Еще прошлымъ лѣтомъ саратовское крестьянство имѣло нѣсколько человѣкъ,— не скажу народныхъ вождей, ибо время народныхъ вождей еще

не пришло, — а просто всѣмъ извѣстныхъ „излюбленныхъ людей“. Аникинъ былъ однимъ изъ такихъ людей. Изъ другихъ назову Ѳеологова, Алексѣя Петрова, балашовскаго сончастнаго повѣреннаго, крестьянскаго адвоката. Еще въ сентябрѣ было совершенно ясно, что въ Саратовской губерніи выберутъ въ Думу не кадетовъ, а именно этихъ людей: въ Балашовскомъ уѣздѣ—Алексѣя Петрова, а въ Петровскомъ —Аникина. Другія имена предпочитаю не называть. Аникинъ въ Думу попалъ. Алексѣя Петрова начальство очень рано захватило въ плѣнъ и посадило тюрьму. Тѣмъ не менѣе, городъ Балашовъ избралъ его губернскимъ выборщикомъ. Начальство поторопилось приспособить къ Ѳеологову 129 статью. На губернскомъ собраніи Ѳеологова выбирали четыре раза записями, но перейти къ шарамъ не позволялъ господинъ предсѣдатель, вооруженный избирательнымъ „закономъ“.

О своемъ собственномъ избраніи Аникинъ разсказывалъ мнѣ такъ:

— Въ нашей волости меня выбрали выборщикомъ еще въ ноябрѣ. Земскій начальникъ злился. Шесть разъ пріѣзжалъ на сходъ уговаривать, но старики стояли на своемъ. А я странствовалъ и даже не зналъ. Ужъ въ февралѣ былъ я на другомъ концѣ уѣзда, родные мнѣ заказали: „Наши старики обижаются, что ты не пріѣзжаешь, просимъ пріѣхать“. Рискнулъ, пріѣхалъ, а урядникъ не очень худой, не ссорится съ народомъ безъ нужды. Прошло благополучно. А тутъ надо ѣхать на уѣздный съѣздъ въ Петровскъ. Арестуютъ, думаю. Послалъ заявленіе о заочной кандидатурѣ. А потомъ осмѣлился, взялъ да и пріѣхалъ. Они не ожидали и не знали что дѣлать со мною. Народу собралось порядочно. Я сталъ выступать. Вмѣсто ареста, выбрали меня губернскимъ выборщикомъ.

Послѣ того я немедленно скрылся.

Въ Саратовъ на губернское собраніе я ужъ ѣхалъ смѣлѣе. Тутъ мы всѣ лѣвые соединились и организовали трудовой союзъ. У насъ было 69 голосовъ, у кадетовъ 45 голосовъ, черной партіи 36 голосовъ и 14 безпартійныхъ. Все-

таки мы были сильнѣе всѣхъ и изъ десяти депутатовъ провели восемь...

Въ организаціи парламентской трудовой группы Аникинъ и другіе саратовцы приняли самое дѣятельное участіе, хотя и пріѣхали позднѣе другихъ.

Самое имя трудовой группы заимствовано отъ саратовскаго трудового союза. Впрочемъ, одновременно и въ другихъ городахъ и губерніяхъ возникли союзы того же имени, напримѣръ, въ Вяткѣ, Харьковѣ. Очевидно, такая организація назрѣла и соотвѣтствовала условіямъ времени.

Мнѣ приходилось неоднократно встрѣчаться съ Аникинымъ въ клубѣ трудовой группы, но для болѣе продолжительнаго разговора у него не было времени. Онъ былъ занятъ съ утра до ночи: письма, наказы, телеграммы, ходоки, митинги и проч., и проч. Комната его была завалена народной литературой, пачками разнообразныхъ бумагъ и дѣлъ. Въ ней засѣдали вечернія комиссіи по всевозможнымъ вопросамъ. Думаю, что сны Аникина въ этой общественной комнатѣ были непремѣнно безпокойные, наполненные запросами министрамъ, отвѣтами избирателямъ, и другими подобными дѣлами. Истощенный предыдущими скитаніями, Аникинъ плохо выносилъ этотъ политическій потокъ и подъ конецъ запротестовалъ и сталъ требовать отдыха

— Отпустите меня хоть въ Саратовскую губернію посмотрѣть настоящихъ людей.

— А безъ васъ что будетъ?—возражали его товарищи по комитету.—Кто будетъ засѣдать?

— Возьмите лучше трупъ изъ мертвецкой, — возражалъ Аникинъ,—и посадите, пусть засѣдаетъ. Будетъ такой же толкъ, какъ отъ меня...

Дня черезъ три я встрѣтилъ Аникина въ Государственной Думѣ во время перерыва. Аникинъ держалъ въ рукахъ толстый пукъ писемъ, только что полученныхъ съ почты. Сверху лежали двѣ желтыя открытки. Первая гласила: „Ты, Аника-воинъ, зачѣмъ ругаешься? Такъ разговариваютъ хамы, попавшіе въ господа. Генералъ Павловъ

долженъ былъ сказать вамъ по долгу службы. Вамъ за то платятъ по десять рублей въ день, чтобъ вы слушали...

Дальше слѣдовали три строки ругательствъ и подпись: „гражданинъ Россіи“, разумѣется, безыменная. Граждане Россіи ругательскаго направленія всегда безыменные. Тонъ письма былъ унтеръ-офицерскій въ отставкѣ, и даже ругань самая федьфебельская. Вторая открытка была въ иномъ родѣ: „Милый другъ, читали про твои подвиги. Ура! Ломи ихъ, дьяволовъ! Сыпь въ оба конца! Задай имъ Кузькину мать. Вѣчно съ тобою.

„Сыты будемъ и замокъ возьмемъ,
Волю добудемъ, не пропадемъ“.

Дальше слѣдовалъ рядъ подписей, которыя доходили до самаго конца открытки, загибались въ сторону и даже заходили наверхъ вродѣ вѣнка. Аникинъ внимательно прочелъ оба письма и положилъ ихъ въ карманъ.

— Я родился въ 1868 году,—разсказывалъ Аникинъ,—въ селѣ Камаевкѣ, Петровскаго уѣзда. Село наше мордовское; я до сихъ поръ хорошо говорю по-своему. Я да Ульяновъ—мы оба изъ мордвы.

— Семья у насъ была огромная, 36 человѣкъ. Сядемъ за столъ, есть чего посмотрѣть. Дѣдъ и прадѣдъ, оба еще живы. Прадѣду 93 года. Хозяйство было большое, прадѣдъ правилъ. Онъ строгій, не можетъ терпѣть, если кто не такъ работаетъ.

— А отца въ солдаты взяли. Я жилъ дома съ матерью, учился въ земской школѣ. Сколько могъ, работалъ дома и въ полѣ.

— Отецъ былъ на военной службѣ писаремъ, вернулся домой, поступилъ въ конторщики къ помѣщику Ознобишину, потомъ переѣхалъ въ городъ и поступилъ писаремъ въ жандармское управленіе. Тамъ прослужилъ 21 годъ невступно.

— Въ городѣ меня опредѣлили въ ремесленное училище. Вышелъ хорошимъ столяромъ и слесаремъ восемнадцати лѣтъ.

— Какъ это ни странно, первыя политическія идеи получилъ изъ жандармскихъ бумагъ. Отецъ приносилъ ихъ домой для переписки. Онъ ихъ пряталъ, намъ не давалъ. Но послѣ обѣда отецъ ляжетъ отдохнуть, мы ихъ сейчасъ достанемъ изъ комода.

— Захватили меня эти бумаги. Наверху написано: *секретно*, а то и *весьма секретно*. Есть циркуляры, или, напримѣръ, характеристики, до того великолѣпно написаны. Графы для лѣтъ, вѣроисповѣданія, судимости. Потомъ общія замѣчанія: хорошо образованный, знаетъ народный бытъ, честный, храбрый, самоотверженный, даже готовый пожертвовать жизнью — такъ все и прописано чернымъ по бѣлому, увлекательный человѣкъ, — и вдругъ неожиданное заключеніе: отдать подъ надзоръ полиціи, или, обыскавъ, арестовать. Съ того я думать пошелъ: за что же такихъ людей арестовывать? Они—краса русской жизни.

— Послѣ училища я прожилъ годъ всей крестьянской жизнью. Потомъ поступилъ въ ту же экономію къ господину Ознобишину конторщикомъ или матеріальнымъ, вѣшалъ муку, водился съ рабочими, смотрѣлъ за молотилкой, отпускалъ, принималъ, все дѣлалъ. Въ то время я сдѣлался религіознымъ просто до фанатизма. Ушелъ съ дѣдушкой на богомолье пѣшкомъ въ Кіевъ, на Святыя Горы, въ Ниловскую пустынь, цѣлое лѣто ходили. Когда вернулся въ Саратовъ, поступилъ писцомъ въ почтово - телеграфное управленіе. Служилъ тамъ до холернаго года. Холерный годъ перевернулъ меня. Бросилъ службу, уѣхалъ въ деревню, цѣльное лѣто возился съ холерными больными. Осенью сдалъ экзаменъ на учителя. Пошли обычныя скитанія изъ села въ село. Женился на учительницѣ. Начались нелады съ полиціей и попами. Пришлось даже перейти въ другую губернію—Волынскую.

— Когда довелъ своихъ волынскихъ учениковъ до окончанія курса, стали говорить на меня, что мои ученики вовсе начальства не признаютъ. Изъ Волынской губерніи вернулся въ Саратовскую, занялся садоводствомъ, огородничествомъ. Устроилъ пчельникъ. Ульи и все дѣлалъ самъ. Пчельникъ и теперь есть. Два года капусту разводилъ.

Я вспомнилъ день думскаго недовѣрія, первую большую рѣчь Аникина и его совѣтъ министрамъ переселиться въ Сибирь и разводить тамъ капусту. Вотъ откуда пошла эта

капуста, которая, къ слову сказать, среди деревенскихъ читателей произвела большой эффектъ.

— Потомъ земство устроило курсы для взрослыхъ. Я сталъ вести ихъ сразу въ трехъ селахъ, въ Славкинѣ, Сердобѣ и Ключахъ. То были не курсы, а сплошной митингъ. Интересъ у крестьянъ былъ поразительный. Въ февралѣ 1904 года меня арестовали. Полгода просидѣлъ въ тюрьмѣ. А обвиненіе, напримѣръ, такое: были разбросаны въ селѣ прокламаціи, а уголки подмочены. Въ училищѣ на чердакѣ въ насыпной землѣ ямка и надъ ней крыша протекаетъ. Жандармскій выводъ: прокламаціи лежали въ этой ямкѣ и подмокли по угламъ... Какъ будто мало мѣсто гдѣ прятать, помимо чердака. Небось, свѣтъ великъ.

— Выпустили меня, мѣста лишили, поступилъ въ земскую управу помощникомъ дѣлопроизводителя. Въ январьскую забастовку 1905 года опять арестовали, выпустили черезъ шесть недѣль. Перестали принимать. Куда ни хочу поступить, Столыпинъ налагаетъ запретъ. Тутъ началось крестьянское движеніе. Мы устроили крестьянскій союзъ въ нашемъ Петровскомъ уѣздѣ. По поводу этого союза у земской управы вышло столкновеніе съ уѣзднымъ собраніемъ. Дворянство тамъ черносотенное, подняло крикъ, а управа вышла въ отставку. Мнѣ стало выходить мѣсто страхового агента. Думаю,—схожу къ Столыпину, поговорю ему.

Принялъ меня Столыпинъ.

— Я,—говоритъ,—знаю, зачѣмъ вы идете. Организаторы ушли, крестьянство безъ призора осталось, агитировать нужно.

— А я говорю: „Не скрою, что я агитирую, но только мирными путями. Напримѣръ, вотъ Дума, я хочу въ Думу попасть“.

— Конечно,—говоритъ, — мнѣ было бы даже пріятно, если бы вы въ Думу попали, потому вы человѣкъ съ вліяніемъ. Только одно вотъ. Вы говорите крестьянамъ: народу вся земля.

— Дѣйствительно, молъ, говорю.

— Ахъ, говоритъ,—какъ же это возможно? Вѣдь это вы мнѣ могли бы говорить, а имъ нельзя. Они повѣрятъ, пожалуй.

— Особенно его огорчила петровская резолюція. Девять экземпляровъ лежатъ на столѣ.

— Это чортъ знаетъ, что такое: „Губернаторы—враги народа“. Развѣ можно такъ говорить?..

— Конечно, онъ зналъ, что я руку приложилъ.

Итакъ, саратовскому губернатору Столыпину было даже пріятно, чтобы Степанъ Васильевичъ Аникинъ попалъ въ Думу. Не думаю, чтобы тотъ же Столыпинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, раздѣлялъ это пріятное расположеніе.

Каждый разъ, когда я вижу, какъ эти два человѣка встрѣчаются въ Думѣ, во мнѣ загорается насмѣшливое злорадство. Губернаторъ Столыпинъ всячески донималъ Аникина, сажалъ его въ тюрьму, охотился за нимъ съ жандармами, какъ за человѣческой дичью. Но въ Думѣ нѣтъ жандармовъ, и министру Столыпину приходится пускать въ дѣло только словесное оружіе. Аникинъ является для Столыпина неумолимымъ саратовскимъ свидѣтелемъ. Онъ обличаетъ въ Думѣ всѣ подвиги этого корректнаго джентльмэна, вплоть до „матерныхъ словъ“ и приказовъ о мордобоѣ. Между прочимъ Аникину принадлежитъ иниціатива художественнаго запроса „закономѣрному“ министру внутреннихъ дѣлъ Столыпину о томъ, когда онъ предастъ суду за явно незакономѣрныя дѣйствія бывшаго саратовскаго губернатора Столыпина?

— Потокъ движенія усилился, — продолжалъ разсказывать Аникинъ,—пришелъ октябрьскій манифестъ.

— Пошли митинги, союзы по всѣмъ мѣстамъ.

— Въ декабрѣ былъ у насъ большой крестьянскій съѣздъ за Волгой противъ Саратова, въ Покровской слободѣ. Послѣ съѣзда мнѣ пришлось перейти на нелегальное положеніе.

— Они за мою жену взялись—обыски, надзоръ полиціи. Я сталъ ѣздить по губерніи. Гдѣ я только не былъ, — все массовки, все собранія. Раза три попадалъ, то въ обыскъ, то въ казацкую облаву, но все вывозило.

— Женѣ моей и теперь приходится трудно. Она живетъ съ дѣтьми въ Лѣсной Нѣловкѣ, Саратовскаго уѣзда.

— Тамъ была стычка крестьянъ съ казаками, она собствен-

нымъ тѣломъ закрыла дѣтей. Потомъ сгорѣла баня у столыпинскаго брата, нововременца.

— Жена съ братишкой и сыномъ пошли посмотрѣть пожаръ. Дѣти были въ красныхъ рубашкахъ. А приставъ учинилъ ей допросъ и дѣтямъ, будто она подожгла.

— И протоколъ составили, что будто видѣли мою жену, а съ ней были два молодыхъ человѣка, незнакомыхъ, одѣтыхъ въ красное.

— Я хочу ихъ сюда перевезти, въ Финляндію. Неровенъ часъ, сдѣлаютъ что-нибудь надъ ними, и народъ не успѣетъ защитить...

Аникина часто называютъ лучшимъ ораторомъ трудовой группы. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что его рѣчи всегда очень содержательны, полны истиннаго знанія народной жизни и схватываютъ самую сущность вопроса. Они, ясны, образны, часто красивы. Но произноситъ ихъ Аникинъ какъ-то неровно, отрывками. Для большихъ рѣчей онъ приноситъ съ собой конспектъ и все-таки нерѣдко теряетъ нить и даже затрудняется въ словахъ.

Въ Саратовѣ Аникинъ говорилъ гораздо лучше.

— Самъ не знаю, въ чемъ дѣло,—говорилъ онъ мнѣ по этому поводу.—Волнуюсь очень, что-ли, чувствую отвѣтственность за каждое слово. Да и не зажигаетъ аудиторія. Слишкомъ много господъ. То-ли дѣло на народныхъ митингахъ—тысячи слушаютъ, у всѣхъ одно чувство.

Этотъ мордовскій учитель, медлительный и понурый, принесъ съ собою въ Государственную Думу упорный мужицкій революціонный темпераментъ. Это мужицкая революція, безъ городскихъ эффектовъ и теоретическихъ построеній. Въ гнѣвѣ своемъ она стихійна. Вмѣсто краснаго знамени, у нея красный пѣтухъ и вмѣсто баррикадъ желѣзныя вилы. Но требованія ея положительны и реальны: земля и воля, вся земля и вся воля. И она склонна къ дѣйствіямъ, а не къ словопреніямъ.

Аникинъ тоже хотѣлъ бы дѣйствовать, строить жизнь. Думское словоизверженіе смущаетъ его, хотя ему приходится принимать въ немъ постоянное участіе. Но министры мѣшаютъ дѣйствовать, а кадеты сидятъ и все разсчитываютъ ходы.

Быть-можетъ, въ связи съ этимъ Аникинъ мало и неохотно говоритъ о перспективахъ будущаго. Будущаго еще нѣтъ, оно не началось. Безвыходный кругъ все не можетъ прорваться.

— Вы спрашиваете, куда мы идемъ? — Къ революціи должно быть. Если будетъ кадетское министерство, оно развяжетъ руки,—страна пойдетъ во всю. Если будетъ, какъ теперь,—къ осени разгорится такая какофонія, рѣзня, чортъ знаетъ что. Если разогнать Думу, будетъ еще хуже. Или съ меньшей кровью, или съ большой. Главное—надо организоваться, создавать новыя формы, забирать въ свои руки жизнь.

— Какъ долго продлится революція? — Думаю, много лѣтъ. Затяжная полезнѣе для Россіи. Нужно разрушить старыя формы и создать новыя, — для этого нужно время. Главный вопросъ, конечно, вопросъ земельный. Крупныя имѣнія рухнутъ. Цѣны на землю падаютъ отъ аграрной смуты. Тутъ не помогутъ ни банкъ, ни государство. Покупателя не стало, частный покупатель боится земли; только мужикъ земли не боится. Даже если бы не хотѣли, пришлось бы національзировать землю. Только самыхъ мелкихъ собственниковъ можно будетъ оставить, другіе сами не устоятъ.

— Земельный вопросъ — главный вопросъ. Если будетъ національзація земли, то демократія укрѣпится и прогрессъ пойдетъ впередъ. Если же укрѣпится частная собственность, будетъ реакціонное крестьянство, и Россія опять потащится въ хвостѣ человѣчества...

— Что будетъ съ нами? — Я, ей-Богу, не знаю. Никто не знаетъ, что будетъ завтра. Въ странѣ аресты, казни. Все это претъ сюда съ жалобой. Одинъ ходокъ изъ Бѣлоруссіи пѣшкомъ пришелъ; другой изъ Воронежа зайцемъ пріѣхалъ подъ лавкой. Они вопіютъ о защитѣ, а мы безсильны.

— Спрашиваютъ: „Что намъ дѣлать, какъ намъ биться“? Что имъ сказать?

— Вотъ на прошлой недѣлѣ, когда генерала Павлова выгнали изъ Думы, было человѣкъ десять ходоковъ, я имъ сказалъ: „Поѣзжайте домой и поступайте съ вашимъ начальствомъ такъ, какъ мы поступаемъ съ нашимъ“.

VIII. Соломко.

Илларіонъ Егоровичъ Соломко, Курской губерніи, Судржанскаго уѣзда, былъ одной изъ наиболѣе характерныхъ мужицкихъ фигуръ бывшей Думы. Въ публикѣ Соломку мало знали. Только въ послѣдніе дни о немъ заговорили въ связи съ разгромомъ газеты „Мысль". Соломко былъ отвѣтственный редакторъ „Мысли". Во время обыска въ редакціи извѣстный охранный дѣлецъ Статковскій неожиданно наткнулся на депутатскую неприкосновенность.

Полиція намѣревалась арестовать всю редакцію и служащихъ, кромѣ депутатовъ, но два члена редакціи не желали быть арестованными. Соломко взялъ ихъ подъ руки и потребовалъ, чтобы полиція очистила его кабинетъ.

— Берите ихъ! — взывалъ Статковскій, — указывая на упрямцевъ.

Но одинъ изъ присутствующихъ обратился къ городовымъ съ рѣчью.

— Не нарушайте депутатской неприкосновенности! — сказалъ онъ.— Статковскій — охранникъ: Ему — что съ гуся вода. А вамъ придется держать строгій отвѣтъ.

Городовые стали колебаться. Самъ приставъ махнулъ рукой и вышелъ. За нимъ послѣдовала вся команда, даже и Статковскій. Упрямые литераторы проворно замкнули дверь на ключъ, открыли окно и выпрыгнули на улицу. Прыгать было довольно высоко, со второго этажа. Но что-жъ было дѣлать? Бываетъ, что и медвѣдь летаетъ, когда изъ окна бросаютъ...

Черезъ десять минутъ по телефону были получены новыя инструкціи и дверь редакторскаго кабинета была взломана, но въ кабинетѣ уже оставался только одинъ неприкосновенный депутатъ.

Весь этотъ эпизодъ разыгрался, какъ встрѣча собаки съ ежомъ. Статковскій на минуту отхватилъ лапу. Ежъ остался на мѣстѣ, а зайцы стрѣльнули въ сторону. Соломко въ

этомъ приключеніи игралъ роль довольно пассивную. Но утопающій, какъ извѣстно, хватается и за соломинку...

Какъ бы то ни было, департаментъ г. Статковскаго обозлился не на шутку, и имя Соломки было поставлено въ первую очередь для будущихъ воздѣйствій.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Соломку въ крестьянскомъ клубѣ. Онъ выдавался крайней бѣдностью одежды. На немъ была сорочка грубаго холста и какой то дерюжный понитокъ. Сапоги у него были старые, съ заплатами, и шапка съ надорваннымъ козыремъ. Меня поразило его лицо, когда онъ слушалъ рѣчи ораторовъ. Онъ весь ушелъ въ слухъ и какъ будто свѣтился отъ вниманія. Глаза у него были кроткіе, вдумчивые, и самъ онъ былъ такой чистый, прозрачный, какъ стекло. Такія лица весьма типичны для лучшей русской молодежи всѣхъ званій и всѣхъ классовъ. Я встрѣчалъ ихъ среди студентовъ и среди рабочихъ, у духоборовъ въ Канадѣ и въ крамольныхъ селахъ безпокойной Саратовской губерніи.

Это не лица борцовъ, — скорѣе лица мучениковъ. Эти люди готовы пострадать за свою правду, если нужно, умереть за нее, но биться за нее они рѣшаются не сразу. Они все уповаютъ, что правда сама побѣдитъ, только бы высказать ее. За то они никогда не измѣняются, и на нихъ можно положиться. Въ трудовой группѣ людей этого типа было довольно много: Бондыревъ и Субботинъ, старикъ Борисовъ и даже Жилкинъ, Лаврентьевъ, Соломко и другіе.

Два дня Соломко все слушалъ и самъ ничего не говорилъ. На третій—онъ произнесъ нѣсколько словъ уже послѣ засѣданія. когда народу осталось совсѣмъ мало.

— Я что-жъ, — сказалъ онъ скромно, — человѣкъ малообразованный, сами видите. Просто послали меня и сказали: „Поѣзжай, Соломко, привези сѣнца!“ Можетъ и достанемъ клочекъ сѣна того...

Соломко мнѣ разсказывалъ свою біографію.

— Я, — бѣдной семьи, батрацкой. Мы были изъ крѣпостныхъ. Надѣлы у насъ по $2^{3}/_{4}$ десятины. У моего отца

даже избы не было, хотѣли изъ глины сложить, чтобы своя нора была. Такъ бѣдно жили, съ голоду умирали. Я тоже батракомъ работалъ у пана въ экономіи. Пять рублей въ мѣсяцъ — и то не берутъ.

— Меня и въ Думу выбрали за мою бѣдность. Какъ собрались выборщики въ губерніи, сперва выбрали князя Долгорукова. Потомъ стали намѣчать меня, а съ другихъ уѣздовъ кричатъ: „Зачѣмъ изъ Суджи два члена?“ Тутъ стали спорить лѣвые и правые. Но мужики говорятъ даже черносотенные: „Можно его выбрать, онъ—самый бѣдный“. А я былъ одѣтъ еще хуже этого, въ бараньей шубѣ. — „Шуба, говорятъ, овечья, да душа человѣчья“.

— Когда мальчикомъ былъ, все-таки учился въ школѣ, сдалъ два экзамена, получилъ похвальный листъ. Хотѣлъ дальше идти, въ сельскохозяйственное училище, да отецъ не пустилъ, послалъ воловъ гонять. Послѣ того лѣтомъ служу, а зимою — дома. Потомъ выросъ, нанялся въ экономію. Поразило меня рабство въ экономіи, приказчики бьютъ народъ, паны собираютъ богатство, кругомъ рабы... Пришло время жениться, купилъ срубъ, занялъ на свадьбу 60 рублей, да два года заслуживалъ вмѣстѣ съ женой, Ея плата была три рубля въ мѣсяцъ. Тутъ стали на меня паны нападать послѣ женитьбы...

— Правда-ли, что вы штундистъ, — спросилъ я. — Объ этомъ писали въ газетахъ.

— Это только попы примѣръ давали, — объяснилъ Соломко, — штунда — ужасное слово. Конечно, я вѣрилъ въ Бога, ночью по цѣлымъ полчасамъ на колѣняхъ стоялъ, тайно молился; явно—нѣтъ пользы.

— Попъ говоритъ: „Человѣкъ честный, умный, а Богу не кланяется“. Тутъ я сказалъ: „Христосъ велѣлъ: втайнѣ молитесь!“ — „Ахъ ты, говоритъ, злая штунда! Пособите, православные, врага побѣдить! Я, говоритъ, предамъ тебя суду. Ты проповѣдываешь, чтобы иконы разбить!“ — А я ничего не проповѣдывалъ, но въ церковь пересталъ ходить. Съ того стали называть меня штундой. Говорятъ: надо со-

слать такого человѣка, бить его кольями. Онъ крестомъ не крестится.

— Въ этомъ и вся моя штунда. Только что я евангеліе читалъ во всякое свободное время, хотѣлъ въ монахи итти. Вижу — въ монахахъ обманъ. Отвергъ ихнюю жизнь, не принялъ. Нужно не молитву, — работу. Жить въ народѣ нужно, переустройство государства, — это нужно. Этимъ задался...

Мнѣ были хорошо знакомы эти черты его простого разсказа. Раньше, когда деревня была закрыта для хорошихъ книжекъ, крестьянская сознательность начиналась съ евангелія. И первые подвиги, которые ей приходили на умъ, были посты и вериги, иноческій чинъ и борьба съ бѣсами... Чтобы не ходить далеко, даже Степанъ Аникинъ въ юности странствовалъ по богомольямъ и мечталъ о монашеской жизни. Неукротимый Сѣдельниковъ, оренбургскій казакъ, дважды битый петербургской полиціей, ушелъ изъ школы пѣшкомъ, чтобы стать отшельникомъ...

Отнынѣ все это измѣнилось. Деревня читаетъ книги новыя, ближе къ жизни. Она узнала своихъ враговъ. Они чернѣе и злѣе, чѣмъ всякіе бѣсы...

Критическій душевный переломъ дался Соломкѣ очень трудно.

— Какъ пошло на меня гоненіе, — разсказывалъ Соломко, — жизнь моя стала печальная. Мать плачетъ, жена тоскуетъ. Отецъ сказалъ: „Прогоню тебя изъ дому". Я подумалъ: Лучше я самъ уйду. Ушелъ ночью изъ дому. Думаю: пойду искать. А не найду, буду въ воду прыгать. Дольше нечего жить. Сдѣлаю самопокушеніе. У Бога нѣтъ спасенія, здѣсь на землѣ власть сатаны. Жена одна, дитя одно было, умерло. Никто не заплачетъ...

— Нашелъ себѣ поденную работу. Потомъ нанялся за конюха у помѣщика Гусева. Съ лошадьми легче, чѣмъ съ людьми...

— Два года работалъ, съ отцомъ помирился. Сталъ въ церковь ходить, пусть не нарекаютъ меня. Началъ входить

въ разумѣніе, газеты читать. Днемъ работаешь, ночью читаешь. Не хуже, но лучше штунды. Былъ прежде начальству горячій поклонникъ, не токмо за страхъ, а за совѣсть. Но если нѣтъ правосудія... Тутъ я сталъ понимать.

— Стала моя семья прибавляться, четверо дѣтей, мать больная. Все, конечно, на мнѣ. Но я держался аккуратно, не подавалъ виду. Въ деревнѣ трудно жить. Даже за газеты забираютъ. Теперь помѣщикъ Хайновскій, черносотенецъ, жалѣетъ. „Такъ легко было парня взять, пропустилъ, не взялъ".

— Какъ вошелъ я въ мужскую силу, стало мнѣ жалованье больше, до 100 рублей въ годъ. Былъ я вродѣ старшого, за другими смотрѣлъ. Но приказчикъ — дерзкій человѣкъ. Я не могъ стерпѣть. Рѣшилъ жить дома: я работникъ сильный, стану лучше работать много, и днемъ и ночью. Тутъ сталъ я работать, возилъ бураки, копалъ, въ извозъ ходилъ. Хоть голодный, да свободный, какъ волкъ въ полѣ.

— Возилъ въ больницу дрова и воду и самого господина доктора. Онъ мнѣ объяснилъ заграничные порядки. Тутъ началась японская война, смута пошла, потомъ свобода. Думу узнали по указу 6-го августа. Стали на селѣ говорить, меня намѣтили. Сказали нашимъ выборщикамъ, что мы его назначили.

— Потомъ вышелъ новый указъ. Старшина собралъ сходъ, говоритъ: „Намѣчу кандидатовъ". Я сказалъ: Это незаконно. Мы сами намѣтимъ. Берегись старшина, народъ будетъ проклинать... Смѣло говорилъ. Тутъ выбрали меня.

— Въ уѣздѣ объяснялъ: Дума не можетъ намъ дать нужнаго. Слабая Дума. Надо всеобщій парламентъ. Списалъ докладъ на бумагу и прочиталъ имъ:— Что нужно мужику.

Такъ я прошелъ отъ уѣзда.

— Когда выбирали меня, записался въ народную свободу. Другихъ партій не зналъ, эсъ-довцевъ и эсъ-эровцевъ, зналъ правыхъ. Думалъ: съ правыми не буду. Это злые

паны. Я буду лѣвый, буду работать съ лѣвыми. Когда пріѣхалъ въ Петербургъ, слышу: крестьяне объединяются. Съ перваго дня примкнулъ къ крестьянамъ. Я партіями не увлекаюсь, если бы можно было, избралъ бы партію, крестьянскій союзъ. Теперь въ трудовой группѣ—ярый защитникъ. Только не надо раздѣленія. Надо всѣмъ сообща.

Какъ у большинства трудовой группы, настроеніе у Соломки было скорѣе меланхолическое.

— Когда ѣхали, мечтали сдѣлать, хотя и знали, что будетъ трудно. Теперь потеряли надежду. Но только могу сказать слово Христа: — Кто уши имѣетъ, пусть слушаетъ. Я не могу говорить: надѣйтеся! Теперь каждому живому человѣку видно, въ чемъ дѣло. Народъ уже не такъ дикъ, будетъ себѣ искать законовъ и правовъ.

— Каждый знаетъ, что каждому нужна земля. Она людей мучитъ. Что изъ того, что у насъ есть сосѣди-помѣщики, а у другихъ нѣтъ и взять не откуда? Нужно всѣмъ поровень, а право общее...

Никакого особаго вкуса къ своему новому званію Соломко не проявлялъ.

— Я этой знатности высокой ничего не чувствую. Какъ былъ я извозчикъ, сейчасъ бы взялъ повозилъ, для меня такъ просто. Я не какая знатная особа, только представитель, чтобъ сказать народную правду. Назадъ уйти я съ радостью согласенъ, но умереть умру, правды не скрою. Пускай берутъ. Самъ не рѣшаюсь, но пускай убиваютъ. Пусть дѣлаютъ, какъ имъ сила позволитъ. Солнце шапкой не закроешь. Будетъ правда на нашей сторонѣ.

Редакторскую отвѣтственность Соломко принялъ съ большой готовностью.

— Гоненіе на газеты, пусть и моя доля въ томъ. Ораторъ я плохой, научиться: силы не тѣ. Пусть я хоть пострадаю. Ничего самъ не сдѣлалъ, подъ судъ попалъ, — тѣмъ моя дѣятельность кончается. Я вѣдь знаю: мы припришли сюда по костямъ народнымъ. Не будь тѣхъ бор-

цовъ, не будь людей по тюрьмамъ, я бы не былъ этимъ членомъ.

Теоретически Соломко былъ совершенно готовъ къ печальному думскому концу.

— Пусть разгоняютъ, — говорилъ онъ, — что изъ того? Мы дѣлать не можемъ. Пожалуй, сами не досидимъ, поѣдемъ по домамъ.

Однимъ словомъ, то самое настроеніе, которое выразилось въ предложеніи безхитростнаго отца Пояркова, еще задолго до развязки.

— Что намъ здѣсь дѣлать, поѣдемъ домой!..

Но несмотря на это, внезапная развязка поразила Соломку, какъ громъ съ яснаго неба.

Какъ большая часть крестьянскихъ депутатовъ, Соломко рѣшительно не зналъ, какъ поступить. Оставаться въ Петербургѣ, но „слабая дума" уѣхала въ Выборгъ и очистила поле дѣйствія. Соломко ѣздилъ въ Выборгъ вмѣстѣ съ другими, потомъ подписалъ думское обращеніе и сталъ рваться домой.

— Что мнѣ тутъ жить? Я поѣду туда, къ тѣмъ мужикамъ, которые выбрали меня. Пусть поддержутъ, какъ умѣютъ. Тутъ мнѣ не мѣсто. Нырну въ деревню, какъ въ воду; даже не брызнетъ. Слѣда не останется.

Увы, суджанскій депутатъ не принялъ во вниманіе бдительности начальства, которое давно подбиралось къ новенькой депутатской неприкосновенности. Бѣдная „злая штунда" въ бараньей шубѣ не думалъ о конспираціи. Его взяли въ Суджѣ на самомъ вокзалѣ и, дѣйствительно, „даже не брызнуло". Дальнѣйшія свѣдѣнія о его судьбѣ расходятся. Телеграммы Р. А. сообщали, что Соломку выпустили, а телеграммы С.-П. А.,—что его увезли въ Петербургъ.

Быть можетъ, то и другое имѣло мѣсто по очереди.

Гдѣ ты теперь, Соломко? Возишь попрежнему больничныя дрова и воду и самого господина доктора, или помѣщикъ Хайновскій поправилъ свой промахъ и заточилъ тебя

въ узилище? Или обоихъ васъ посадили вмѣстѣ съ докторомъ, а въ больницу помѣстили стражниковъ, чтобъ постеречь избирателей?

Что мы будемъ дѣлать съ тобой, Илларіонъ Соломко? Подождемъ до новыхъ выборовъ, или „поддержимъ“, какъ умѣемъ?

Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, д. Общиной. Тел. 131-34.

